

Степан Бондаренко

**Вторая
мировая
война**

Степан Бондаренко
Вторая мировая война

«Автор»

2026

Бондаренко С.

Вторая мировая война / С. Бондаренко — «Автор», 2026

Эта книга помогает разобраться во Второй мировой войне и понять, насколько была чудовищна эта война, её причины.

© Бондаренко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	6
Глава 2. Политика умиротворения: как Европа скормила Гитлеру всё, кроме себя	13
§1. Усталость победителей: психология 1930-х годов	13
§2. Доктрина Чемберлена: бизнесмен у власти	14
§3. Рейнская область: первый камень, который не бросили	15
§4. Аншлюс Австрии: цветы и слезы	16
§5. Судетский кризис: как Чемберлен трижды летал к Гитлеру	17
§6. Мюнхенский сговор: предательство века	18
§7. Позиция СССР: почему Сталин подписал пакт с Гитлером	19
§8. Моральная дилемма: почему они не видели очевидного	20
§9. Цена умиротворения: что потерял Запад	21
§10. Резюме: что мы должны помнить о политике умиротворения	22
Глава 3. Военные приготовления сторон. 1933–1939: Гонка, которую проспали демократии	23
§1. Тихая революция: как Гиттер перевооружил Германию за 6 лет	23
§2. Доктрина Блицкрига: почему немцы придумали войну на скорость	24
§3. Скрытая мощь: как немцы обходили версальские запреты	25
§4. Красная армия: великан на глиняных ногах	26
§5. Линия Мажино: самый дорогой «беспольный» забор	27
§6. Британская армия и флот: владычица морей без зубов	28
§7. Италия: «муссолиниевский блеф»	29
§8. Япония: империя с кровавым аппетитом	30
§9. Танки, самолеты, корабли: соревнование технологий	31
§10. Резюме: кто был готов к войне на самом деле?	32
Глава 4. Ложь и пропаганда: как готовили народы к войне	33
§1. Пропаганда как оружие: почему слово убивает не хуже пули	33
§2. Йозеф Геббельс: гений лжи	34
§3. Инструменты Геббельса: радио, кино, «народные приемники»	35
§4. Советская пропаганда: от «мира» к «священной войне»	36
§5. Инструменты советской пропаганды: плакаты, «Окна ТАСС» и Левитан	37
§6. Британская пропаганда: спокойствие, только спокойствие	38
§7. Американская пропаганда: война как шоу-бизнес	39
§8. Враг внутри: как пропаганда создавала образ предателя	40
§9. Пропаганда в 1945-м: что случается, когда ложь догоняет реальность	41
§10. Резюме: что мы знаем о пропаганде сегодня	42
Глава 5. Вторжение в Польшу. Сентябрь 1939 года: первый блицкриг	43
§1. Предыстория: Данциг, коридор и немецкий гнев	43
§2. Польша перед войной: отвага без надежды	44
§3. Операция «Гиммлер»: как нацисты сфабриковали повод	45
§4. Блицкриг: как немцы сломали польскую оборону за 72 часа	46
§5. Вестерплатте, Бзура и Оксюве: три истории героизма	47
§6. Варшава: осада и капитуляция	48

§7. 17 сентября: Красная армия вступает в игру	49
§8. Странная война на Западе: почему союзники бездействовали	50
§9. Итоги кампании: потери, уроки, последствия	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Степан Бондаренко

Вторая мировая война

Глава

Глава 1. Версальская система: мир, породивший войну

§1. Диктат победителей: Зеркальный зал, 28 июня 1919 года

28 июня 1919 года в Зеркальном зале Версальского дворца случилось то, что немецкий народ навсегда запомнил как «позор в поезде» (хотя формально церемония прошла во дворце). Ровно через пять лет после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево, которое послужило спусковым крючком Первой мировой войны, победители — державы Антанты — подвели черту. Германия, истощенная голодом, революцией и военным крахом, была вынуждена подписать договор, условия которого ей продиктовали с позиции абсолютной силы.

Переговорный процесс не был переговорами в привычном смысле слова. Немецкую делегацию даже не пустили в зал для обсуждений. Им просто вручили 440-страничный документ на французском языке и дали 15 дней на размышления. Глава немецкой делегации граф Брокдорф-Ранцау, прочитав текст, написал в Берлин: *«Если мы подпишем это, наша нация будет порабощена на целое поколение. Если не подпишем — армии союзников войдут в Берлин. Выбор невозможен».*

Что же содержал этот документ, сделавший Вторую мировую войну почти неизбежной? Пункт 231, известный как «Параграф о вине за войну», возлагал всю ответственность за развязывание Первой мировой исключительно на Германию и её союзников. С юридической точки зрения это было абсурдно — войны такого масштаба никогда не начинаются по воле одного кабинета министров. Это был клубок империалистических противоречий, гонки вооружений, секретных союзов и национализма. Но побежденным не дают быть правыми.

Политические последствия этого параграфа оказались чудовищными. Немецкий народ, который в августе 1914 года искренне верил, что ведет оборонительную войну против окружения, чувствовал себя обманутым. Солдаты, вернувшиеся с фронта с боевыми наградами, не могли понять, за что их страну выставляют единственным агрессором. Легенда об «ударе ножом в спину» — якобы непобедимая армия была предана социал-демократами и евреями в тылу — стала питательной средой для радикальных националистов. Адольф Гитлер, тогда еще малоизвестный ефрейтор, лежавший в госпитале после газовой атаки, позже писал в «Майн кампф»: *«В тот день, когда мы узнали о Версале, я решил стать политиком. Этот договор должен быть уничтожен».*

Географические условия договора были не менее унижительны. Германия теряла 13% своей довоенной территории, на которой проживало 10% населения. Эльзас и Лотарингия, отнятые у Франции в 1871 году по Франкфуртскому миру, возвращались обратно — с этим немцы еще могли смириться. Но отторжение преимущественно немецкой по населению области Эйпен-Мальмеди в пользу Бельгии? Передача богатого углем Саара под управление Лиги Наций на 15 лет, причем все шахты отходили Франции? Создание «польского коридора», который отрезал Восточную Пруссию от основной территории рейха? Данциг (Гданьск) объявлялся вольным городом под управлением Лиги Наций.

Каждая из этих потерь была не просто картографической правкой. Это были живые люди, которые внезапно оказывались в чужих государствах. Это были железные дороги, заводы, шахты. Это было национальное унижение, которое копилось как порох в бочке.

§2. Репарации: финансовая петля

Если территориальные потери можно было пережить как национальную травму, то репарации оказались экономическим самоубийством для новой германской демократии — Веймарской республики. Цифра, озвученная союзниками, была взята с потолка: 269 миллиардов золотых марок — сумма, эквивалентная примерно 100 000 тонн золота. Для сравнения: все мировое золото, добытое человечеством к 1919 году, весило около 120 000 тонн.

Германия требовала, чтобы ей назвали хотя бы формулу расчета. «Вы должны заплатить за все разрушенные дома, за все потопленные корабли, за каждую вдову и сироту», — отвечал французский премьер Клемансо. «Но тогда называйте конкретную цифру», — настаивали немцы. Франция и Британия не могли назвать цифру, потому что понимали: Германия физически не способна выплатить даже десятую часть этой суммы. Тем не менее в мае 1921 года союзники предъявили ультиматум: 132 миллиарда золотых марок ежегодными платежами по 2 миллиарда.

Началась эпоха, которую экономисты называют «репарационной спиралью». Германия печатала ничем не обеспеченные марки, чтобы покупать валюту для выплат. Это привело к гиперинфляции 1923 года, которая вошла в учебники как классический пример денежного коллапса. Немецкая домохозяйка несла в магазин тачку денег, чтобы купить хлеб. Если она задерживалась на час, цена вырастала вдвое. Люди топили печи не дровами, а пачками банкнот — сжигание денег было дешевле, чем покупка дров. Сбережения среднего класса, накопленные за поколения, превратились в пыль. Пенсионеры, жившие на проценты со вкладов, массово голодали и замерзали.

Ирония истории: в конечном итоге Германия выплатила лишь незначительную часть репараций — по разным оценкам, от 5 до 20 миллиардов марок. Но психологический ущерб был нанесен. Немцы запомнили не то, сколько они *фактически* заплатили, а сам факт того, что победители требуют невозможного, разрушают экономику и убивают гражданских лиц голодом. Лозунг «Долой Версаль!» объединил коммунистов и нацистов, демократов и монархистов. Веймарская республика родилась с ярмом на шее и никогда не пользовалась любовью собственного народа.

Показательный эпизод: в 1923 году Франция и Бельгия оккупировали Рурскую область — промышленное сердце Германии — под предлогом того, что немцы задержали поставку леса и угля в счет репараций. Германия объявила «пассивное сопротивление»: бастовали все заводы и шахты. Французские солдаты расстреливали саботажников. Правительство Германии печатало марки, чтобы платить зарплату бастующим, — что еще больше разгоняло инфляцию. Этот эпизод стал для многих немцев точкой невозврата. Человек, переживший Рурский кризис, никогда не полюбит Францию. А если ему предложат сильного лидера, который обещает разорвать Версаль силой, — он проголосует за этого лидера.

§3. Военные ограничения: рейхсвер вместо рейхсвера

Версальский договор не оставил Германии никаких шансов на военное возрождение — по крайней мере, так думали его авторы. Глава V договора, написанная в основном генералами Антанты, была образцом карательного милитарного инжиниринга. Германии запрещалось иметь:

Генеральный штаб (его распускали, а офицеров увольняли).

Военную авиацию (включая гражданские самолеты с характеристиками, позволяющими переделку в боевые).

Танки, броневые автомобили, тяжелую артиллерию.

Подводные лодки (самая болезненная потеря — именно немецкие подводные лодки едва не умурили Британию голодом в 1917 году).

Военно-морской флот свыше 6 линкоров довоенной постройки (фактически музей).

Численность сухопутной армии (рейхсвера) ограничивалась 100 000 солдат, включая 4 000 офицеров. Запрещалась всеобщая воинская повинность — служба только по контракту.

Никаких военных академий, никаких союзов ветеранов под видом парамилитарных структур. Генерал Ганс фон Сект, назначенный командующим рейхсвера, получил армию, которая по численности уступала полиции Нью-Йорка.

Но именно Сект совершил невероятное: он превратил ограничения в преимущество. Он рассуждал так: у нас мало солдат, значит, каждый из них должен быть будущим генералом. Солдат рейхсвера учили командовать взводом. Ефрейтора учили быть сержантом, сержанта — офицером. Каждый офицер владел несколькими военными специальностями — пехотинец мог управлять танком (которых не было), летчик — артиллерией. Это была армия-матрешка: внутри сотни тысяч — кадры для миллионов.

Сект также договорился с Советской Россией — страной-изгоем, которую не приглашали в Версаль. Секретный договор 1922 года в Рапалло позволил немцам строить танковые и авиационные школы на территории СССР. В Казани был создан совместный центр по отработке танковых атак — внутри ходили советские и немецкие инструкторы в штатском. Под Липецком немецкие пилоты учились управлять истребителями, которые они не могли иметь дома. Германский генеральный штаб, формально распущенный, продолжил работу в Берлине под вывеской «Войскового управления» — просто поменяли вывеску на двери.

Показательный эпизод: в 1926 году, когда инспекторы Лиги Наций приехали проверять, как Германия соблюдает военные ограничения, их встретил генерал Сект. Он угостил инспекторов чаем, показал им красивые казармы с чистыми койками и ровным строем солдат. Винтовок не было — солдаты маршировали с деревянными макетами. Инспекторы уехали удовлетворенными. Они не знали, что под полом казарм в герметичных контейнерах лежали разобранные пулеметы, а в соседнем лесу — учебные танки из картона и фанеры, которые имитировали реальные машины. К тому моменту, как Гитлер пришел к власти в 1933 году, Германия имела не жалкий рейхсвер, а тщательно законспирированную армию блицкрига — с доктриной, офицерским корпусом и логистикой.

§4. Лига Наций: тигр без зубов

Парадокс Версальской системы заключался в том, что её главный гарант — Лига Наций — был рожден инвалидом. Идея Вильсона о коллективной безопасности («мир, основанный на праве, а не на силе») разбилась о банальную реальность: у Лиги не было армии, не было бюджета, не было механизма принуждения.

Структура Лиги Наций выглядела внушительно на бумаге: Генеральная Ассамблея, Совет из четырех постоянных членов (Англия, Франция, Италия, Япония) и нескольких непостоянных, Секретариат, Постоянная палата международного правосудия. Но любое решение Совета требовало единогласия. Любое! Если одно государство накладывало вето, Лига не могла даже осудить агрессора. А если и осуждала — что дальше? Экономические санкции? Страны бойкотировали их, потому что зависели от торговли. Военные санкции? Армии у Лиги не было.

Первый смертельный удар по Лиге нанесла сама Америка. Сенат США, контролируемый изоляционистами, отказался ратифицировать Версальский договор. США не вступили в Лигу Наций — хотя именно президент Вильсон был её отцом-основателем. Без Америки Лига стала клубом побежденных и победителей без самого сильного члена. Второй удар нанесла Германия — её приняли в Лигу только в 1926 году, и она рассматривала это членство как возможность отменить Версаль легально. Третий удар — Япония. В 1931 году Япония вторглась в Маньчжурию. Китай обратился в Лигу. Лига послала комиссию лорда Литтона, которая полгода ездила по Маньчжурии, собирала свидетельства и... заключила, что Япония нарушила устав. И всё. Ни блокады, ни угрозы силой. Япония просто вышла из Лиги в знак протеста и продолжила завоевания.

Четвертый, и самый знаменитый удар — Италия в Эфиопии (1935 год). Муссолини бросил в Африку современную армию с танками, самолетами и ипритом против эфиопов с копьями. Лига объявила санкции — запрет на поставку оружия, металлов и каучука. Но санк-

ции не распространялись на важнейшие ресурсы: нефть, уголь, сталь. Англия и Франция тайно продолжали торговать с Италией, потому что боялись толкнуть Муссолини в объятия Гитлера. Санкции провалились. Эфиопия пала. Лига Наций публично умерла именно в тот момент — все увидели, что организация бессильна против решительного агрессора.

Гитлер внимательно следил за этими событиями. Он понял главное: Лига Наций — это бумажный тигр. Её угрозы — пустой звук. Можно разрывать Версаль по кусочкам, и никто не нажмет на курок. Именно поэтому в 1936 году он ввел войска в Рейнскую демилитаризованную зону (запрещенную Версалем), а потом аннексировал Австрию, а потом — Чехословакию. Каждый раз англо-французские политики собирались в Лиге, обсуждали, осуждали — и уступали.

§5. Цепная реакция: новые стены между нациями

Версальский договор не только наказал Германию, он перекроил всю карту Восточной и Центральной Европы, создав десятки новых конфликтов вместо одного старого. Принцип «права наций на самоопределение», провозглашенный Вильсоном, на практике обернулся кровавой мешаниной.

Чехословакия была объявлена «образцовым демократическим государством». Но внутри неё жили 3,2 миллиона судетских немцев, которые не хотели быть чехами. Венгры (800 тысяч) не хотели быть словаками. Поляки (300 тысяч) не хотели быть чехами. Каждая из этих групп требовала автономии или присоединения к «материнской стране». Вместо одной Германии, которую надо сдерживать, появилось полдюжины «малых Германий» — соседних государств с ирредентистскими претензиями друг к другу.

Югославия, созданная как «королевство сербов, хорватов и словенцев», была пороховой бочкой религий (православные, католики, мусульмане) и алфавитов (кириллица, латиница). Хорваты ненавидели сербов. Сербы доминировали в армии и полиции. Македонцы требовали независимости. Венгерское меньшинство в Воеводине смотрело на Будапешт. В 1934 году хорватский националист застрелил в Марселе югославского короля Александра — и Франция ничего не могла с этим сделать.

Польша, восстановленная после 123 лет раздела, считала себя жертвой Версаля ровно настолько же, насколько Германия. Восточные границы Польши были проведены по линии Керзона в 1919 году — с огромным отступлением от «этнического принципа». В Западной Украине и Западной Белоруссии жили миллионы православных славян, которые не желали быть поляками. В 1920 году Красная армия едва не взяла Варшаву — и с тех пор советско-польская граница была линией фронта. Польша получила от Германии «коридор» к морю, разрезавший Восточную Пруссию, и порт Гдыню — ставший символом немецкой ненависти. Еще до прихода Гитлера немецкие школьники учили стихи о том, что «Данциг немецкий, коридор немецкий, и Польша должна исчезнуть».

Ирония системы: Версаль создал такую карту Европы, где у каждой страны был хотя бы один повод для войны с соседом. Германия была зла на Польшу, Францию и Чехословакию. Венгрия — на Чехословакию, Румынию и Югославию (потерявшие две трети территории по Трианонскому договору 1920 года). Болгария — на Грецию и Югославию. СССР, не подписавший Версаль (он тогда был в блокаде), считал договор заговором капиталистов против социализма. Англия и Франция, уставшие от войны, хотели одного — чтобы их оставили в покое. Именно этот запрос на покой в конечном итоге и разрушил всё, что построили в Версале.

§6. Невидимые нити: культура реванша

Политические и экономические условия Версаля породили мощнейшую культурную реакцию — культ реванша и жертвенности. В Германии 1920-х годов даже детские игры были пропитаны милитаризмом. Мальчишки играли не в казаков-разбойников, а в «штурм версальских цепей». Военизированные союзы — «Стальной шлем», «Викинг», «Орлы» — собирали

сотни тысяч мужчин, которые маршировали в форме, стреляли в тирах и пели песни времен кайзера.

Веймарская культура была расколота. С одной стороны — прогрессивный, демократический Берлин с его джазом, кабаре, эмансипацией и Бертольтом Брехтом. С другой стороны — провинциальные города, где ветераны собирались в пивных, слушали нацистских ораторов и копили злобу. Когда инфляция уничтожила сбережения среднего класса, именно эти люди, потерявшие всё, но сохранившие униформу, стали костяком штурмовых отрядов СА. Для них «Версаль» был не абстракцией, а личным оскорблением, которое нужно смыть кровью.

Удивительно, но аналогичный процесс шел и в победивших странах — хотя и в меньших масштабах. Во Франции 1920-х годов родился культ «линии Мажино» — гигантского бетонного вала, названного в честь военного министра. Французская пропаганда убеждала народ, что линия Мажино неприступна, что теперь французские сыновья не погибнут на полях сражений. «Мы заплатили Версалем, чтобы навсегда обезвредить немца», — говорили политики. Но в этой уверенности была фатальная ошибка: французы успокоились, перестали модернизировать армию, не создавали танковые корпуса, не готовились к маневренной войне. Они строили статичную оборону — и потому проиграли за шесть недель в 1940 году.

В Англии реакция была иной: там возобладал пацифизм. Оксфордский союз в 1933 году принял знаменитую резолюцию «Ни в коем случае не воевать за короля и отечество». Левые интеллектуалы славили Советский Союз как единственную силу мира. Премьер-министр Невилл Чемберлен искренне верил, что Гитлера можно умиротворить, выполнив его «обоснованные требования» по отмене Версаля. Парадокс: Германия ненавидела Версаль за жесткость, а Англия — за то, что он вынуждает её быть мировым полицейским. В итоге Версаль не устраивал никого.

§7. Пункт 231 как интеллектуальная бомба замедленного действия

Вернемся к юридическому сердцу договора — статье 231. Её последствия оказались не только политическими и моральными, но и историографическими. В 1920–1930-е годы вышли сотни книг немецких историков, доказывавших, что Германия не виновна в развязывании Первой мировой. Они вскрывали архивы, показывали мобилизационные планы России и Франции, доказывали, что кайзер пытался остановить эскалацию в июле 1914 года. Многие из этих исследований были вполне научными — ведущие немецкие университеты направляли на эту работу лучшие умы.

Но была и обратная сторона: немецкое общество оказалось заперто в травме. «Мы не виноваты» стало национальной мантрой. Любое упоминание о немецких зверствах в Бельгии 1914 года (расстрелы заложников, сожжение библиотеки в Лёвене) отвергалось как «победная пропаганда». Любая дискуссия о том, что Германия несет хотя бы долю ответственности, объявлялась предательством. Когда Гитлер в 1935 году открыто заявил, что Германия вычеркивает статью 231, толпа на площади ревела от восторга полчаса.

Американский историк Уильям Ширер, автор классической «Взлета и падения Третьего рейха», подсчитал: если бы союзники в 1919 году потребовали только 50 миллиардов марок репараций и не включали пункт о «вине за войну», Веймарская республика, скорее всего, выжила бы. Демократия могла укорениться. Нацисты остались бы маргинальной сектой в мюнхенских пивных. Но союзники выбрали самую жесткую линию — и получили самую жесткую реакцию. Гитлер не создал реваншизм из ничего. Он лишь оседлал волну, которую за 20 лет до него создали в Зеркальном зале Версаля.

§8. Сравнение с другими послевоенными урегулированиями

Чтобы понять уникальность Версальской катастрофы, полезно сравнить её с другими великими мирными договорами. Венский конгресс 1815 года, завершивший наполеоновские войны, тоже наказал Францию — но мягко. Франция вернула захваченные территории, выплатила контрибуцию в 700 миллионов франков (сумма посильная) и... через несколько лет стала

равноправным членом европейского концерта. Французский министр Талейран даже участвовал в работе конгресса на равных. Никто не требовал от французов «признания вины за революционные войны». Никто не оккупировал Париж на 15 лет. Результат: 99 лет мира в Европе (до 1914 года).

Парижская мирная конференция 1946–1947 годов, завершившая Вторую мировую, поступила ровно наоборот по сравнению с Версалем. Союзники не наказывали Германию репарациями в нереальном объеме (хотя советская зона демонтировала заводы, но это было частью холодной войны). Главное — они оккупировали Германию и провели денацификацию, переписав политическую систему с нуля. Затем последовал план Маршалла — гигантские инвестиции в восстановление западногерманской экономики. Победители поняли: униженная и обнищавшая Германия снова станет агрессором. Сильная и богатая Германия, интегрированная в Европу — не станет. Урок Версаля был усвоен. Именно поэтому современная Европейская комиссия — это анти-Версаль.

Версаль совершил роковую ошибку: он был слишком суров, чтобы быть принятым, но слишком мягок, чтобы по-настоящему обезвредить Германию. Он не уничтожил немецкую промышленность (как союзники сделали бы в 1945-м). Он не оккупировал Германию на поколение (Рейнскую область оккупировали лишь до 1930 года). Он оставил немецкий народ целым — но взбешенным. И этот взбешенный, хорошо образованный, технически развитый 70-миллионный народ в центре Европы через 20 лет дал власть человеку, который поклялся разорвать Версаль в клочья.

§9. Цена вопроса: цифры и человеческие судьбы

За сухими формулировками договора стояли миллионы судеб. Возьмем, к примеру, судетских немцев — 3,2 миллиона человек, оставшихся в Чехословакии. До 1918 года они были подданными Австро-Венгрии и не считали себя «меньшинством». Внезапно они оказались гражданами государства, где чешский язык стал единственным официальным. Судетские немцы потеряли работу в госаппарате, школы на родном языке закрывались, университетские профессора немецкого происхождения увольнялись. В 1930-х годах 97% судетских немцев голосовали за нацистскую партию Конрада Генлейна — не потому, что любили Гитлера, а потому, что Гитлер обещал вернуть их в Германию. Когда в 1938 году аншлюс Судетской области произошел, эти люди встречали немецкие танки цветами. В 1945 году их всех депортировали — кто выжил, потерял всё.

Или возьмем Данциг (Гданьск) — вольный город с 95% немецкого населения, но под управлением Лиги Наций, с польской администрацией на вокзале и в порту. Немецкий мальчик по имени Гюнтер Грасс, будущий нобелевский лауреат по литературе, вырос в этом городе. В своей книге «Жестяной барабан» он описал, как из-за статуса «вольного города» его отец-немец не мог получить нормальную работу, как поляки и немцы жили бок о бок, ненавидя друг друга. 1 сентября 1939 года первый выстрел Второй мировой войны прозвучал именно в Данциге — на полуострове Вестерплатте.

Версальский договор, задуманный как акт правосудия, стал актом отсроченного самоубийства европейской цивилизации. Он создал три поколения немцев, которые росли с мыслью: «Всё, что нас окружает — фальшивка. Границы фальшивые. Республика фальшивая. Долги фальшивые. Настоящая Германия — та, которая была до 1914 года, и мы её вернем». Сорок лет спустя после подписания договора, в 1959 году, французский президент Шарль де Голль, сам ветеран Первой мировой, скажет: *«Версаль был слишком мягким для того, что мы хотели, и слишком жестоким для того, что мы получили. Это был не мир, а перемирие на двадцать лет»*. Он ошибся на один год: перемирие продлилось ровно двадцать лет и два месяца — с 28 июня 1919 года по 1 сентября 1939 года.

§10. Резюме главы: как 1919 год привел к 1939-му

Подводя итог, мы можем выделить пять ключевых механизмов, благодаря которым Версальская система превратилась в машину для производства Второй мировой войны.

Первый механизм — унижение элит. Офицерство, чиновничество, профессура, судейство — те, кто формирует общественное мнение в любой стране, — почувствовали себя лично оскорбленными. Они стали искать «виноватых» внутри (евреев, социалистов) и снаружи (Францию, Польшу). Умеренные демократы потеряли авторитет. Радикалы приобрели его.

Второй механизм — экономическая нестабильность. Гиперинфляция, а затем Великая депрессия 1929 года превратили Германию в инкубатор экстремизма. Когда люди голодают, они голосуют за того, кто обещает хлеб и силу, а не за либеральные ценности. Нацисты получили 37% голосов на выборах 1932 года именно на волне безработицы (6 миллионов безработных).

Третий механизм — двойные стандарты. Союзники требовали от Германии разоружения, но сами не разоружались. Они провозглашали право наций на самоопределение, но отказали в нём немцам Австрии и Судет. Эта лицемерная риторика позволяла нацистам всегда выглядеть борцами за справедливость в глазах немецкого обывателя.

Четвертый механизм — отсутствие гарантий. Лига Наций не смогла остановить ни Японию, ни Италию, ни Германию. Безнаказанность породила эскалацию. Когда Гитлер в 1936 году ввел войска в Рейнскую область, его генералы дрожали от страха — французская армия была в пять раз сильнее. Если бы Франция тогда ответила силой, Гитлер пал бы. Но Франция не ответила. И Гитлер понял: можно идти дальше.

Пятый механизм — отсутствие позитивной альтернативы. Версаль не предложил Европе объединяющей идеи. Он разрушил старые империи (Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых), но не построил ничего взамен, кроме кабинета в Женеве. Европа осталась без арбитра, без полицейского, без общей экономической системы. В этой пустоте самым громким голосом оказался голос национализма.

Когда 30 января 1933 года престарелый президент Гинденбург назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером Германии, он, вероятно, не до конца осознавал, что подписывает смертный приговор европейскому порядку, установленному в Версале. Но этот порядок уже был мертв — он умер в момент своего рождения, зараженный ядом ненависти, унижения и экономического абсурда. Война 1939 года была не случайностью, не ошибкой дипломатов, а неизбежной развязкой драмы, завязка которой произошла 28 июня 1919 года в Зеркальном зале Версальского дворца.

Глава 2. Политика умиротворения: как Европа скормила Гитлеру всё, кроме себя

§1. Усталость победителей: психология 1930-х годов

Чтобы понять политику умиротворения, нужно сначала понять состояние умов в Лондоне и Париже после 1918 года. Первая мировая война оставила такие шрамы, которые не зажили и через два десятилетия. Британская империя потеряла почти миллион молодых мужчин — цвет нации, будущих инженеров, учителей, фабрикантов. Франция, на территории которой шли главные сражения, потеряла 1,4 миллиона убитыми и 4,3 миллиона ранеными — каждый пятый француз в возрасте от 18 до 30 лет был либо убит, либо искалечен.

Демографическая катастрофа Франции была ужасающей. В 1914 году во Франции насчитывалось 39 миллионов человек, в Германии — 65 миллионов. Потери лишь увеличили этот разрыв. В 1930-е годы французское общество боялась войны так, как современное общество боится ядерного апокалипсиса. Каждое упоминание о мобилизации вызывало панику. Солдат, вернувшихся с фронта, называли «изуродованным поколением» (*la génération mutilée*). Около 300 000 французских ветеранов носили протезы вместо рук или ног. 700 000 получали пенсию по инвалидности.

В Англии пацифизм принял форму политической доктрины. Оксфордский союз, элитный дискуссионный клуб, в феврале 1933 года — через месяц после прихода Гитлера к власти — проголосовал за резолюцию: «Этот союз ни в коем случае не будет воевать за короля и отечество». Резолюцию приняли 275 голосами против 153. Это был не просто студенческий каприз — так думала значительная часть британской элиты. Лорд Сесиль, один из основателей Лиги Наций, писал: «Война настолько ужасна, что любая несправедливость лучше, чем новый 1914 год».

Во Франции пацифизм был более горьким. Там не питали иллюзий относительно Гитлера — французы знали немцев слишком хорошо. Но французская армия была заточена на оборону. Линия Мажино, гигантская цепь бетонных фортов вдоль границы с Германией, стоила 5 миллиардов франков — годовой бюджет Франции. Её построили именно потому, что французы не хотели наступать. Они хотели спрятаться. Они верили, что линия Мажино неприступна, что она защитит Францию навсегда. Ирония в том, что Гитлер просто обошёл её через Бельгию в 1940 году — но об этом никто не думал в 1936-м.

§2. Доктрина Чемберлена: бизнесмен у власти

Невилл Чемберлен стал премьер-министром Великобритании в мае 1937 года в возрасте 68 лет. До этого он был министром здравоохранения и министром финансов — человеком, который мыслил категориями бюджетов, контрактов и здравого смысла. Он носил жесткие воротнички, высокие ботинки на пуговицах и неизменный зонтик, даже когда не было дождя. Внешность обманчива: под ней скрывался железный характер. Чемберлен не был слабаком. Он был рационалистом, который искренне верил, что с Гитлером можно договориться, как с профсоюзным лидером или главой корпорации.

Его стратегия называлась «умиротворение» (appeasement). Слово имело позитивный оттенок в английском языке того времени: «успокоение», «умиротворение» — как врач успокаивает пациента. Чемберлен рассуждал так: Версальский договор был несправедлив к Германии. Немцы имеют право на возвращение территорий, где живут немцы (Рейнская область, Австрия, Судеты). Если дать Гитлеру эти «разумные требования», он удовлетворится и останется в рамках международного права. Экономика Германии восстановится, нацисты станут умереннее, и мы все вернемся к нормальной жизни.

Что Чемберлен не понимал (или не хотел понимать)? Он не понимал, что Гитлер не был рациональным политиком в классическом смысле. Гитлер не хотел «восстановить справедливость». Гитлер хотел войны. Он хотел уничтожить Версаль, потому что сам факт существования этого договора оскорблял его. Он хотел захватить «жизненное пространство» (Lebensraum) на Востоке — земли Польши и Советского Союза, чтобы заселить их немцами. Всё, что Чемберлен считал «конечными требованиями», для Гитлера было лишь этапами. Австрия? Шаг первый. Судеты? Шаг второй. Польша? Шаг третий. А потом — Франция, Англия, Россия.

Чемберлену можно поставить в вину невежество — он не читал «Майн кампф», где Гитлер изложил свою программу еще в 1924 году. «Майн кампф» была бестселлером в Германии, но в Лондоне её воспринимали как бред сумасшедшего, а не как план действий. Английский посол в Берлине сэр Невилл Гендерсон регулярно посылал в Лондон депеши: «Гитлер говорит, что его требования ограничены. Я склонен верить ему». Гендерсон был честным человеком, но он был очарован Гитлером лично — как многие британские аристократы, посетившие Берхтесгаден (альпийскую резиденцию фюрера). Они видели вежливого хозяина, угощавшего чаем, и не видели чудовища.

§3. Рейнская область: первый камень, который не бросили

7 марта 1936 года Гитлер совершил поступок, который его собственные генералы считали безумием. Он приказал трем батальонам вермахта (всего 3000 солдат) войти в Рейнскую область — территорию Германии, граничащую с Францией, которая по Версальскому и Локарнскому договорам 1925 года была демилитаризована. Там не могло быть ни немецких солдат, ни укреплений, ни оружия.

Немецкие генералы были в панике. Начальник генштаба Людвиг Бек заявил: «Если французы ответят, нас уничтожат. Мы не имеем сил даже для обороны, не говоря уже о наступлении». Гитлер отдал секретный приказ: если французская армия пересечет границу, вермахт должен немедленно отступить без боя. Сам Гитлер позже признавался: «48 часов после ввода войск в Рейнскую область были самыми нервными в моей жизни. Если бы французы двинулись тогда, нам пришлось бы обратиться с позором».

Французы не двинулись. Во французском правительстве шло экстренное совещание. Министр обороны заявил: «Мобилизация обойдется в 30 миллионов франков. Сможем ли мы убедить парламент выделить деньги?». Премьер-министр Альбер Сарро спросил: «А Англия пойдет с нами?». Англия ответила: «Нет. Германия возвращает свою собственную территорию. Это законно». Даже Лига Наций не смогла принять резолюцию осуждения. Через три дня французская газета *Le Temps* написала: «Париж спокоен. Кризис преодолен».

Гитлер выиграл. Без единого выстрела. Он понял главное: никто не остановит его. Рейнская область была укреплена вермахтом в течение нескольких месяцев. Линия Мажино, французская бетонная стена, оказалась обойдена с севера. Стратегическое равновесие в Европе рухнуло в одночасье. В следующие два года Гитлер увеличил численность армии с 100 000 до 800 000. Он ввел всеобщую воинскую повинность. Он начал строить подводные лодки и бомбардировщики — всё, что было запрещено Версалем. Каждый раз французское и британское правительства выражали «серьезную озабоченность» — и ничего не делали.

Английский историк А. Дж. П. Тейлор позже написал: «Рейнская область была последним моментом, когда Германию можно было остановить без большой войны. Союзники упустили этот шанс. И цена упущения — Вторая мировая».

§4. Аншлюс Австрии: цветы и слезы

Следующей целью Гитлера была Австрия — его родина (он родился в Браунау-на-Инне, небольшом австрийском городке). Идея объединения всех немцев в одном государстве (Anschluss) была запрещена Версалем, но жила в умах многих австрийцев и немцев. К 1938 году Гитлер решил действовать.

Австрийский канцлер Курт фон Шушниг, католический консерватор, пытался сохранить независимость. Он назначил на 13 марта 1938 года плебисцит (народное голосование) о независимости Австрии, надеясь, что австрийцы проголосуют «нет» аншлюсу. Гитлер пришел в ярость. Он вызвал Шушнига в Берхтесгаден 12 февраля 1938 года и устроил ему настоящую психологическую пытку. Гитлер кричал, топал ногами, угрожал вторжением. «Не заставляйте меня сделать это! — орал фюрер. — Вы не представляете, на что я способен!». Шушниг, сломленный, подписал ультиматум: амнистия австрийским нацистам, включение нацистов в правительство, отмена плебисцита.

11 марта Шушниг подал в отставку. Новый канцлер, нацист Артур Зейсс-Инкварт, немедленно пригласил немецкие войска «для наведения порядка». 12 марта 1938 года вермахт пересек австрийскую границу. Гитлер планировал военную операцию с кодовым названием «Отто», но сопротивление было нулевым. Австрийские солдаты братались с немецкими. Австрийские крестьяне выходили на дороги с пивом и колбасой. В Линце, Вене, Граце — цветы, флаги со свастикой, слезы радости. 99,7% австрийцев на последующем плебисците (уже под контролем нацистов) проголосовали за аншлюс. Цифра была фальсифицирована, но реальная поддержка была огромной — от 70 до 80%.

Реакция Лондона и Парижа? «Серьезная озабоченность». Посол Франции в Берлине направил ноту протеста. Британский кабинет обсуждал вопрос три часа и решил... не делать ничего. Лорд Галифакс, министр иностранных дел, заметил: «В конце концов, австрийцы — немцы, как и германские немцы. Почему они не могут объединиться?». Чемберлен написал в дневнике: «Гитлер заявил, что это его последнее территориальное требование в Европе. Я склонен верить ему». Он ошибался.

Показательный эпизод: когда Гитлер триумфально въезжал в Вену 14 марта 1938 года, его автомобиль остановился, чтобы пропустить еврейского мальчика, перебежавшего дорогу. Гитлер улыбнулся. Через несколько часов в Вене начались массовые аресты евреев. Их заставляли на коленях мыть тротуары щетками, выкрикивая: «Мы — грязные евреи». Аншлюс стал прелюдией к Холокосту. И никто — никто в Лондоне или Париже — не поднял голос.

§5. Судетский кризис: как Чемберлен трижды летал к Гитлеру

Самая известная глава умиротворения — чехословацкий кризис 1938 года. Чехословакия была единственной демократией в Центральной Европе, хорошо вооруженной (у неё была лучшая танковая промышленность в Европе, заводы «Шкода»), с 38 дивизиями и линией укреплений на границе с Германией (так называемая «чешская линия Мажино»). Но внутри Чехословакии жили 3,2 миллиона судетских немцев, которых Гитлер объявил «угнетенными» и требовал «самоопределения».

Нацистская пропаганда работала на полную мощность. Судетская нацистская партия Конрада Генлейна получала тайные деньги из Берлина. Немецкие газеты ежедневно публиковали статьи о «чешских зверствах»: будто бы чехи избивают немецких детей, оскверняют немецкие кладбища, не дают немцам говорить на родном языке. Большинство этих историй были выдумкой, но они создавали нужный эмоциональный фон. Гитлер требовал передать Судетскую область Германии. Чехословацкое правительство отказывалось. Президент Эдвард Бенеш заявил: «Мы готовы воевать. У нас есть союзники: Франция и СССР».

И вот тут началась драма. Франция имела с Чехословакией договор о взаимопомощи (1924 год). Если Гитлер нападал на Чехословакию, Франция была обязана объявить войну Германии. А если Франция объявляла войну, Англия, теоретически, должна была поддержать Францию. Но Чемберлен не хотел воевать из-за «дальней страны, о которой мы ничего не знаем» (его знаменитая фраза о Чехословакии).

15 сентября 1938 года 69-летний Чемберлен впервые в жизни сел в самолет — он никогда раньше не летал — и отправился в Берхтесгаден на встречу с Гитлером. Три часа переговоров. Гитлер требовал Судеты. Чемберлен согласился на том условии, что передача пройдет «без насилия». Вернувшись в Лондон, Чемберлен убедил французов согласиться. Вместе они надавили на Чехословакию: «Примите условия, иначе мы вас бросим». 21 сентября правительство Чехословакии, брошенное союзниками, капитулировало.

Но Гитлер, получив Судеты, потребовал большего. 22 сентября Чемберлен снова прилетел в Германию — на этот раз в Бад-Годесберг. Гитлер заявил: «Мне нужны не только Судеты, но и территории, где чехи составляют большинство. И Польша с Венгрией тоже должны получить свою долю Чехословакии. И всё это — немедленно, до 1 октября». Чемберлен был шокирован. Он вернулся в Лондон, объявил мобилизацию флота. Впервые замаячила реальная война. Но Чемберлен сдался снова. Он написал Гитлеру письмо: «Я верю, что вы сдержите слово. Давайте встретимся в Мюнхене».

§6. Мюнхенский сговор: предательство века

29–30 сентября 1938 года в Мюнхене собрались четыре лидера: Гитлер (Германия), Муссолини (Италия), Чемберлен (Англия) и Даладье (Франция). Чехословацкую делегацию не пустили в зал заседаний. Их держали в соседней комнате, как слуг. В 2 часа ночи 30 сентября был подписан Мюнхенский договор. Чехословакия потеряла Судетскую область (10% территории, 30% промышленности, 70% сталелитейных заводов). Польша и Венгрия отхватили свои куски.

Когда чехословацкие делегаты узнали о решении, один из них разрыдался. Другой сказал: «Нас предали. Франция, Англия, весь цивилизованный мир предали нас». Президент Бенеш подал в отставку и улетел в Лондон. 1 октября 1938 года немецкие войска вошли в Судеты. Чехословацкая армия, одна из лучших в Европе, была распущена без боя. Танки «Шкода» (LT-35, LT-38) — 1500 единиц — достались вермахту. Эти танки станут основой немецких панцерных дивизий во время вторжения во Францию в 1940 году.

Чемберлен, вернувшись в Лондон 30 сентября, стоял в дверях самолета, размахивая листом бумаги — совместной англо-германской декларацией о «ненападении и дружбе». Он произнес свои знаменитые слова: «Я привез вам мир для нашего поколения. Верьте в спокойные времена. Благодарите Бога». Толпа на аэродроме ликовала. Люди плакали от счастья. Лондонские газеты печатали заголовки: «Мир с честью», «Чемберлен спас Европу». Даже король Георг VI пригласил премьера на балкон Букингемского дворца — невиданная честь.

Уинстон Черчилль, тогда еще «одиноким голосом в пустыне», произнес в парламенте пророческую речь: «У нас был выбор между войной и позором. Мы выбрали позор. Но мы получим войну». Он оказался прав. 15 марта 1939 года, через полгода после Мюнхена, Гитлер оккупировал остатки Чехословакии. Богемия и Моравия стали «протекторатом», Словакия — марионеточным государством. Гитлер забрал всё — не только Судеты. Чемберлен понял, что его обманули. Но было поздно. Чехословацкие танки уже катились по европейским дорогам в составе вермахта.

§7. Позиция СССР: почему Сталин подписал пакт с Гитлером

В стандартном западном нарративе о политике умиротворения СССР часто изображают как пассивного наблюдателя или даже соучастника. Это упрощение. Советский Союз в 1938–1939 годах вел собственную сложную дипломатическую игру, которая закончилась пактом Молотова–Риббентропа — одним из самых спорных документов XX века.

СССР имел с Чехословакией договор о взаимопомощи, но он был «привязан» к Франции: СССР мог помочь Чехословакии только в том случае, если Франция сделает то же самое. Сталин предлагал: «Давайте проведем конференцию генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии, чтобы выработать план действий». Франция отказалась. Французский премьер Даладье не хотел даже говорить о советской помощи — он боялся, что Красная армия «принесет коммунизм в Европу».

Сталин сделал вывод: Англия и Франция не хотят союза с СССР против Гитлера. Более того, у него были основания подозревать, что Чемберлен и Даладье тайно хотят направить Гитлера на Восток — против Советского Союза. Логика «умиротворения» на самом деле могла быть циничной: отдать Гитлеру Австрию и Чехословакию, чтобы он насытился и пошел воевать с коммунистами. В архивах британского Форин-офиса есть документы, где высокопоставленные чиновники обсуждают: «Пусть Гитлер и Сталин перегрызутся, мы будем сидеть за Ламаншем».

Весной 1939 года, после оккупации Чехословакии, Англия и Франция наконец очнулись и предложили СССР военный союз. Но переговоры в Москве шли мучительно медленно. Английский адмирал Дракс приплыл в Ленинград на старом крейсере без полномочий что-либо подписывать. Французский генерал Думенк говорил «да», но не имел права сказать «нет». Сталин, раздраженный, отправил наркома иностранных дел Молотова на переговоры с немцами.

23 августа 1939 года мир потрясла новость: СССР и Германия подписали пакт о ненападении. К нему прилагался секретный протокол о разделе Восточной Европы: Финляндия, Эстония, Латвия, восточная Польша, Бессарабия отходили к СССР; западная Польша и Литва — к Германии. Сталин получил время — почти два года отсрочки от войны с Гитлером — и территориальные приращения. Гитлер получил свободу напасть на Польшу без угрозы с Востока.

Можно ли было избежать пакта? Историки спорят до сих пор. Ясно одно: Чемберлен и Даладье своей политикой умиротворения убедили Сталина, что с Западом не о чем договариваться. У каждого из лидеров была своя логика. У каждого — своя вина. И цена этой вины — Вторая мировая война.

§8. Моральная дилемма: почему они не видели очевидного

Современному читателю, знающему итоги, политика умиротворения кажется идиотизмом. Как можно было не видеть, что Гитлер лжет? Как можно было верить человеку, написавшему «Майн кампф»? Ответ сложнее, чем кажется.

Во-первых, в 1930-х годах не было интернета, спутниковой разведки, мгновенной связи. Информация поступала с задержками, часто искаженная. Большинство британских политиков никогда не встречались с Гитлером лично и судили о нем по дипломатическим депешам, которые писали люди, часто очарованные фюрером. Например, лорд Лондондерри, британский аристократ, посетивший Гитлера в 1936 году, писал: «Это очень разумный человек. У него есть чувство юмора. Он любит собак и детей. Чего еще желать?».

Во-вторых, воспоминания о Первой мировой были слишком свежи. Родители тех, кто принимал решения в 1938 году, потеряли сыновей в окопах Соммы и Вердена. Сами политики, если и воевали, то видели ужасы траншейной войны. «Никогда больше!» — это был не лозунг, а клятва, данная миллионам погибших. Чемберлен потерял на фронте любимого кузена. Даладье сам воевал, был награжден. Они искренне верили, что любая дипломатическая уступка лучше войны.

В-третьих, Гитлер был мастером манипуляции. Он выступал не как агрессор, а как «миротворец», «собиратель немецких земель», «жертва Версаля». Нацистская пропаганда создала образ фюрера, который «не хочет войны, но вынужден требовать справедливости». Многие британцы говорили: «В конце концов, немцы всего лишь хотят вернуть то, что у них отняли в 1919 году. Разве это не разумно?». Гитлер давал торжественные обещания, и Чемберлен хотел верить.

В-четвертых, была и корысть. Британские и французские элиты панически боялись коммунизма. Для многих из них Гитлер был «меньшим злом» по сравнению со Сталиным. Банкиры и промышленники спонсировали нацистов в надежде, что Гитлер раздавит профсоюзы и социалистов. Издатель лорд Ротермир, владелец газеты Daily Mail, печатал статьи в поддержку Гитлера и даже встречался с ним, советуя, как лучше управлять Англией. Это темная сторона умиротворения, о которой не любят говорить.

§9. Цена умиротворения: что потерял Запад

Политика умиротворения обошлась в колоссальную цену — не только в человеческих жизнях, но и в стратегических позициях. К середине 1939 года Гитлер контролировал территорию, где проживало 80 миллионов немцев, плюс 15 миллионов австрийцев и судетских немцев. Тяжелая промышленность Чехословакии, Рура, Австрии, Саксонии работала на вермахт. Западные державы остались с пустыми руками.

Если бы Англия и Франция выступили против Гитлера в 1938 году, у них были бы союзники: Чехословакия (38 дивизий, 1500 самолетов, лучшие в мире танки «Шкода»), Польша (30 дивизий), СССР (неизвестное количество дивизий, но как минимум 100). Военный баланс был бы 2:1 в пользу союзников. Гитлер сам признавал: «Если бы западные державы поддержали Чехословакию, я бы не смог начать войну. Мои генералы были против. Им бы пришлось меня арестовать».

Вместо этого союзники потеряли всё. К марту 1939 года Чехословакия исчезла с карты. Польша оказалась между двумя хищниками — Германией и СССР. Французская армия, все еще считавшаяся сильнейшей в мире, на самом деле была деморализована, плохо вооружена и настроена исключительно на оборону. Английская армия была крошечной — всего 4 дивизии готовых к бою. Когда 1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу, у Чемберлена не осталось выбора, кроме объявления войны. Но война началась в условиях, максимально выгодных для Германии, и максимально невыгодных для союзников.

Черчилль, ставший премьер-министром в мае 1940 года, писал в мемуарах: «Умиротворение было не ошибкой, а преступлением. Оно убедило Гитлера, что демократии слабы и трусливы. Мы заплатили за это кровью лучших молодых людей Англии, Франции, Польши и России».

§10. Резюме: что мы должны помнить о политике умиротворения

Политика умиротворения — это классический урок того, как благие намерения прокладывают дорогу в ад. Чемберлен искренне хотел мира. Даладье искренне боялся войны. Их мотивы были человеческими, понятными, даже благородными. Но результат оказался катастрофическим. Почему?

Первый урок: агрессора нельзя умиротворить уступками. Гитлер воспринимал каждую уступку не как признак доброй воли, а как признак слабости. Чем больше ему давали, тем больше он требовал. Умиротворение не утоляет аппетит диктатора, а разжигает его. Это работает как допинг: вчера Австрия, сегодня Судеты, завтра — вся Польша. Единственный язык, который понимает диктатор, — это сила.

Второй урок: договоры должны соблюдаться. Мюнхенский стовор уничтожил международное право как систему. Когда Франция и Англия предали Чехословакию, они подписали смертный приговор всем малым странам Европы. Отныне никто не верил гарантиям. Сталин не верил. Польша не верила. Даже Гитлер не верил — он понял, что слово демократий ничего не стоит.

Третий урок: пацифизм может быть формой трусости. Нельзя называть миром ситуацию, когда миллионы людей живут под властью диктатора, который строит концлагеря. Умиротворение Гитлера позволило ему уничтожить европейское еврейство. Если бы война началась в 1938 году, Холокост, возможно, был бы предотвращен или хотя бы ограничен. Но Чемберлен предпочел «мир для нашего поколения» — и получил смерть для 80 миллионов.

Четвертый урок: история не прощает самообмана. Чемберлен убедил себя, что Гитлер говорит правду, несмотря на все доказательства обратного. Он смотрел на реальность сквозь розовые очки своего зонтика. Он не хотел видеть чудовище — и потому позволил чудовищу вырасти до размеров, способных уничтожить цивилизацию.

Памятник Невиллу Чемберлену в Лондоне не стоит. Его имя стало синонимом политической наивности и трусости. Может быть, это слишком жестоко — историческая наука сегодня относится к Чемберлену более взвешенно. Но одно несомненно: политика умиротворения стала величайшим провалом британской и французской дипломатии в XX веке. И мы, живущие в XXI веке, обязаны помнить этот урок. Потому что умиротворение диктаторов всегда заканчивается одинаково — большой кровью.

Глава 3. Военные приготовления сторон. 1933–1939: Гонка, которую проспали демократии

§1. Тихая революция: как Гиттер перевооружил Германию за 6 лет

Когда 30 января 1933 года Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Германии, вермахт (так с 1935 года назывались вооруженные силы) находился в плачевном состоянии. Сухопутная армия насчитывала 100 000 человек — ровно столько, сколько разрешал Версальский договор. У Германии не было военной авиации, танков, тяжелой артиллерии, подводных лодок. Генеральный штаб был официально распущен, хотя его офицеры продолжали работать под вывеской «Войскового управления» (Truppenamt).

Гитлер не скрывал своих намерений. Он публично заявлял, что Версальский договор — «позорная бумажка», которую нужно порвать. Но первое время он действовал осторожно, опасаясь реакции Франции и Англии. Генералы предупреждали: если мы начнем перевооружение слишком быстро, союзники могут нанести превентивный удар. Гитлер отвечал: «Дайте мне четыре года. Через четыре года у нас будет армия, с которой никто не сможет справиться».

Механизм перевооружения был запущен в октябре 1933 года, когда Германия вышла из Лиги Наций и из Женевской конференции по разоружению. Это был сигнал: «Мы больше не связаны обязательствами». Затем последовала серия законов и указов, которые изменили экономику Германии. Гитлер назначил Ялмара Шахта, блестящего финансиста, президентом Рейхсбанка. Шахт изобрел гениальную схему: государство выпускало векселя (так называемые «векселя МЕФО») — фальшивые деньги, которые не были обеспечены золотом, но которые принимали германские промышленники, потому что знали: государство расплатится позже. За 1934–1935 годы было напечатано таких векселей на 12 миллиардов марок. Их пустили на закупку стали, угля, химикатов, станков — всего, что нужно для производства оружия.

Германская промышленность перешла на военные рельсы с невиданной скоростью. Концерн «Крупп», производивший пушки еще для Бисмарка, возобновил выпуск артиллерии, несмотря на версальские запреты. Заводы «Хеншель», «Мерседес-Бенц», «Майбах» начали проектировать танки. Авиастроительные компании «Мессершмитт», «Хейнкель», «Юнкерс», «Фокке-Вульф» получили многомиллиардные заказы на боевые самолеты. Рабочие на этих заводах трудились в три смены. Безработица, достигавшая в 1932 году 6 миллионов человек, к 1936 году практически исчезла. Немцы не любили нацистов, но они любили рабочие места. И за это прощали диктатуру.

16 марта 1935 года Гитлер совершил следующий шаг: он объявил о введении всеобщей воинской повинности и создании вермахта численностью 550 000 человек (в 12 раз больше, чем разрешал Версаль). Франция и Англия выразили протест. Лига Наций осудила. Но никто не двинул ни одного солдата. Гитлер понял: красная линия пройдена. Можно идти дальше. К 1939 году вермахт насчитывал 1,4 миллиона солдат, 3200 танков, 4000 самолетов, 50 военных кораблей, включая линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц» (хотя последние еще не были достроены). За шесть лет Германия превратилась из разоруженной республики в сильнейшую военную державу континентальной Европы.

§2. Доктрина Блицкрига: почему немцы придумали войну на скорость

Перевооружение — это только половина дела. Важнее, с какой доктриной воевать. Германский генеральный штаб, в отличие от французского, не тратил время на строительство бетонных фортов. Он задал себе вопрос: «Как выиграть войну, когда у нас меньше ресурсов, чем у Франции, Англии и России вместе?» Ответ дал генерал Хайнц Гудериан, отец немецких танковых войск.

Гудериан прочитал труды британских теоретиков танковой войны — Лиддела Гарта и Фуллера — и пришел к выводу: главное в танке не броня и не пушка, а скорость. Танки не должны поддерживать пехоту, ползая черепашим шагом. Танки должны собираться в кулак, прорывать фронт на узком участке и идти вглубь, сея панику в тылу врага. За танками идут моторизованная пехота на грузовиках и самоходная артиллерия. А над ними — пикирующие бомбардировщики «Штука» (Ju-87), которые своим воем вселяют ужас в сердца противников. Всё это вместе называется «блицкриг» — молниеносная война.

Гудериану пришлось преодолеть сопротивление старых генералов, которые считали танки «игрушками». В 1937 году он демонстрировал свои бронетанковые части на маневрах, но многие генералы отворачивались: «Слишком много железа, слишком мало дисциплины». Гитлер, который сам был пехотинцем в Первую мировую, интуитивно понял правоту Гудериана. Гитлер любил быстрые решения, рискованные авантюры, шокирующие удары. Именно он дал «зеленый свет» созданию панцерваффе (танковых войск).

Первое крупное испытание блицкриг прошел в Польше в сентябре 1939 года. 1,5 миллиона немецких солдат при поддержке 2800 танков и 2000 самолетов разгромили польскую армию за 5 недель, хотя Польша имела 1 миллион солдат и искренне верила, что продержится полгода, пока Франция и Англия начнут наступление на западе. Франция и Англия не начали наступления. Поляки остались одни. Немецкие танки наматывали по 50–60 километров в день, окружая польские дивизии в гигантские «котлы». Пехота добивала окруженных. Авиация уничтожала мосты, дороги, железнодорожные станции. Польская мобилизация захлебнулась в первые же 48 часов.

Год спустя, в мае 1940 года, блицкриг против Франции оказался еще более эффективным. Французы ожидали повторения Первой мировой — позиционной войны, где линия фронта будет стоять годами. Они построили линию Мажино, бросив 5 миллиардов франков на бетон. Но немцы пошли через Арденнский лес, который французское командование считало непроходимым для танков. Гудериан провел свои танки по горным дорогам, форсировал реку Маас, вышел к Ла-Маншу за 10 дней, отрезав британский экспедиционный корпус и лучшие французские дивизии в Дюнкерке. Франция капитулировала 22 июня 1940 года — через 6 недель после начала кампании.

Блицкриг работал до тех пор, пока на пути немецких танков не встали советские «тридцатьчетверки» под Москвой в декабре 1941 года и под Курском в июле 1943 года. Но об этом — в следующих главах. Здесь важно понять: в 1939 году у вермахта была идея войны, у союзников — нет.

§3. Скрытая мощь: как немцы обходили версальские запреты

Переворужение Германии не было быстрым процессом. Оно было скрытым. Еще до прихода Гитлера к власти рейхсвер — 100-тысячная армия — проводил секретные учения и разработки. Генерал Ганс фон Сект, командующий рейхсвером в 1920–1926 годах, создал систему, при которой каждый солдат готовился к роли сержанта, каждый сержант — к роли офицера. В 1933 году Германия имела 100 000 солдат, но 50 000 из них были офицерами в потенции. Когда Гитлер объявил о расширении армии, эти кадры уже были готовы. За несколько месяцев 100-тысячная армия превратилась в 500-тысячную без потери качества.

В 1922 году Германия подписала Рапальский договор с Советской Россией. Согласно секретному протоколу, немцы могли строить военные школы и полигоны на территории СССР. В Казани, в танковой школе «Кама», немецкие офицеры отрабатывали тактику танковых атак на советских танках (которых у немцев дома не было). В Липецке, в авиационной школе, немецкие летчики учились управлять истребителями, которые они не могли иметь в Германии. В Томске, в химической лаборатории, отрабатывались методы ведения химической войны (к счастью, не применявшейся во Вторую мировую). Сотни будущих командиров вермахта прошли эту подготовку. Когда Гитлер открыто объявил о перевооружении, у него уже были готовые летчики, танкисты и офицеры генштаба.

Были и другие уловки. Германия производила «тракторы» — на самом деле легкие танки Pz.I с двумя пулеметами, которые по документам числились сельскохозяйственной техникой. Компания «Люфтганза» — гражданская авиакомпания — обучала пилотов на самолетах, которые легко переделывались в бомбардировщики. Концерн «Рейнметалл» производил артиллерийские орудия для экспорта в Швецию, Швейцарию, Нидерланды — а потом закупал их обратно, чтобы изучить и модернизировать. К 1935 году, когда Версальские инспекторы окончательно уехали из Германии, запрещенные виды оружия уже стояли на вооружении тайных складов.

Показательный эпизод: в 1934 году германское министерство авиации (формально не существовавшее, но фактически работавшее) разместило заказ на 4000 самолетов. Для сравнения: в 1932 году во всей Германии было 36 военных самолетов — и те были устаревшими. Через два года Люфтваффе (военно-воздушные силы, официально созданные в 1935 году) имели уже 2000 боеготовых машин. Никто в Лондоне не верил таким цифрам, пока не стало слишком поздно.

§4. Красная армия: великан на глиняных ногах

Советский Союз к 1939 году имел самую большую армию в мире — 5 миллионов солдат (по штату, реально — около 3 миллионов). Танковый парк составлял 20 000 машин — больше, чем у всех остальных стран вместе взятых. Авиация насчитывала 10 000 самолетов. Эти цифры внушали ужас Гитлеру — именно поэтому он так торопился напасть на СССР в 1941 году, пока Красная армия не стала еще сильнее.

Но цифры обманчивы. Большая часть советских танков были устаревшими Т-26 и БТ-5/БТ-7 — легкие машины с противопульной броней, которые легко подбивались из противотанковых ружей. Новые танки Т-34 и КВ только начали поступать в войска в 1940 году — к июню 1941 года их было всего около 1500. Самолеты — в основном бипланы И-15, И-153 «Чайка», И-16 «Ишак» — уступали немецким «Мессершмиттам» Вф-109 по скорости, вооружению и радиооборудованию. Многие самолеты не имели радиосвязи — летчики общались покачиванием крыльев.

Главная проблема Красной армии была не в технике, а в людях. В 1937–1938 годах Сталин провел «чистку» командного состава — массовые репрессии против офицеров, обвиненных в «шпионаже» и «заговоре». Было арестовано 30 000 командиров (примерно 10% офицерского корпуса). Из них расстреляно около 10 000. Среди погибших — 3 из 5 маршалов СССР (Тухачевский, Егоров, Блюхер), все командующие военными округами, большинство командиров корпусов и дивизий. Армия осталась без головы. На их место пришли неопытные, запуганные, угодливые выдвигенцы, которые боялись проявлять инициативу.

Качество обучения упало катастрофически. В 1939 году в советско-финской войне Красная армия, имевшая 10-кратное превосходство в силах, потеряла 130 000 убитыми против 25 000 у финнов и с трудом прорвала линию Маннергейма. Гитлер внимательно следил за этой войной. Он сказал своим генералам: *«Красная армия — это глиняный колосс. У них много танков, но они не умеют ими управлять. У них много самолетов, но их летчики слепы. Мы раздавим их за 8 недель»*. Как мы знаем, он ошибся в 10 раз — но в 1941 году его ошибку разделяли многие.

§5. Линия Мажино: самый дорогой «беспольный» забор

Франция после Первой мировой войны заиклилась на обороне. Лозунг французского военного министерства в 1920-е годы: *«У нас меньше людей, чем у немцев. Мы не можем воевать наступательно. Мы должны построить стену, которая остановит любую армию»*. Так родилась линия Мажино — гигантский комплекс укреплений вдоль германо-французской границы от Швейцарии до Люксембурга.

Строительство началось в 1929 году и продолжалось до 1936 года. Было потрачено 5 миллиардов франков — весь годовой бюджет Франции. Линия состояла из 108 главных фортов (ouvrages) и сотен более мелких укреплений. Каждый форт был подземным городом: казармы на 500–1000 солдат, кухни, госпитали, электростанции, системы вентиляции, запасы продовольствия на 3 месяца. Артиллерийские башни выдвигались из бетона, стреляли, а потом убрались обратно. Противник не мог их поразить.

Линия Мажино была техническим шедевром. Её броня выдерживала попадания 420-мм снарядов (самых тяжелых в то время). Её подземные тоннели были соединены узкоколейными железными дорогами. Солдаты жили в комфорте, с горячей водой и электричеством. Французские генералы гордились: «Теперь немцы никогда не пройдут!».

Но была одна проблема, которую французы проигнорировали. Линия Мажино защищала только границу с Германией. Северная граница — с Бельгией — оставалась открытой. Французское командование рассуждало так: если Германия нападет через Бельгию, мы выдвинем свои лучшие армии навстречу и дадим бой на равнинах Фландрии — как в Первую мировую. Поэтому на бельгийской границе не было построено никаких серьезных укреплений.

Гитлер и его генералы внимательно изучили линию Мажино. Они поняли: лобовая атака невозможна. Но её можно обойти. План «Гельб» (нападение на Францию) предусматривал вторжение через Бельгию и Нидерланды — но не так, как ожидали французы. Вместо того чтобы наступать через равнины Фландрии (где французы ждали их и сосредоточили лучшие дивизии), немцы нанесли главный удар через Арденнский лес, который считался непроходимым для танков. 10 мая 1940 года германские танки пересекли Арденны, форсировали реку Маас, вышли к Ла-Маншу и отрезали французские и британские войска в Бельгии. Линия Мажино осталась позади, в тылу. Её гарнизоны сдались только после капитуляции Франции — многие солдаты так и не выстрелили ни разу.

Ирония судьбы: французы потратили 5 миллиардов на стену, которую немцы даже не стали штурмовать. «Лучше всего защищает та крепость, которую противник обходит», — писал немецкий генерал Гудериан. Линия Мажино стала символом ошибочной военной доктрины — статичной обороны против маневренной войны.

§6. Британская армия и флот: владычица морей без зубов

Великобритания в 1930-е годы находилась в парадоксальном положении. Её военно-морской флот (Royal Navy) оставался сильнейшим в мире — 15 линкоров, 7 авианосцев, 66 крейсеров, 180 эсминцев. Флот охранял имперские коммуникации, защищал торговые пути, гарантировал, что даже в случае поражения на континенте Англия сможет выжить.

Но британская армия была крошечной. В 1938 году сухопутные силы Великобритании насчитывали всего 200 000 солдат — меньше, чем у Болгарии. Из них только 4 дивизии (около 80 000 человек) были полностью готовы к боевым действиям в Европе. Танковый парк состоял в основном из устаревших легких танков, непригодных для боя с немецкими Pz.III и Pz.IV. Противотанковых орудий не хватало. Радиосвязь была плохой.

Почему Британия так пренебрегала сухопутной армией? Историческая традиция: Британия всегда полагалась на флот и «пороховую бочку» — союзников на континенте (сначала Голландию, потом Австрию, потом Пруссию, потом Францию). Британская стратегия заключалась в том, чтобы послать на континент экспедиционный корпус (BEF) символической численности, а основную войну вести деньгами и блокадой. В Первую мировую это сработало, потому что союзники (Франция и Россия) держали основные силы немцев. В 1940 году Франция рухнула за 6 недель, и британский экспедиционный корпус едва успел эвакуироваться из Дюнкерка, бросив всю технику.

После эвакуации в Англии осталось 300 танков — меньше, чем в одной немецкой танковой дивизии. Противотанковых орудий было на 100 000 человек личного состава. Лорд Бивербрук, министр авиастроения, срочно организовывал производство «Матильд» и «Валентайнов» — медленных, но хорошо бронированных танков. Но их было слишком мало. Летом 1940 года, когда Гитлер планировал вторжение в Англию (операция «Морской лев»), единственным препятствием были не британские танки, а британские истребители «Спитфайр» и «Харрикейн» в битве за Британию.

Любопытный факт: к началу войны у Британии была лучшая в мире система радиолокации (Chain Home) — первые радары, которые могли обнаружить немецкие самолеты за 150 километров. Это и спасло Англию в 1940 году. Если бы не радары, Люфтваффе, возможно, завоевали бы господство в воздухе, и вторжение стало бы реальностью.

§7. Италия: «муссолиниевский блеф»

Италия под руководством Бенито Муссолини (дуче с 1922 года) считалась великой державой. На бумаге итальянская армия насчитывала 1,5 миллиона солдат, 1500 самолетов, 800 танков. На деле всё было гораздо хуже.

Итальянские танки L3/35 («танкетки») весили 3 тонны, имели два пулемета и броню 14 мм — их можно было пробить из тяжелого пулемета. Противотанковых орудий не было. Артиллерия в основном досталась в наследство от Первой мировой — образцы 1918 года. Солдаты были плохо обучены, офицеры — назначены по политическим, а не профессиональным признакам. Промышленность отставала от германской на поколение. Стали производилось в 10 раз меньше, чем в Германии, алюминия — в 30 раз меньше.

Муссолини пытался скрыть эти проблемы за шумной пропагандой. «Мы превратили Средиземное море в итальянское озеро!» — кричал он с балкона дворца Венеция в Риме. «У нас восемь миллионов штыков!» (эта фраза стала легендарной — на самом деле в армии было 1,5 миллиона). Гитлер относился к Муссолини с уважением как к «старшему товарищу» (дуче пришел к власти на 10 лет раньше фюрера), но генералы вермахта презирали итальянскую армию.

Проверка наступила в 1940 году. Италия вступила в войну 10 июня 1940 года, когда Франция уже была на грани поражения. «Мне нужно несколько тысяч убитых, чтобы сесть за стол переговоров как воюющая сторона», — цинично заявил Муссолини. Итальянские войска вторглись в Южную Францию, но продвинулись всего на несколько километров, потеряв 600 человек убитыми против 200 французов. Затем последовали катастрофы: в Греции (итальянцы были отброшены назад, и Гитлеру пришлось спасать их, вторгаясь в Грецию через Югославию), в Северной Африке (британский генерал Уэйвелл с 30 000 солдат разгромил 200-тысячную итальянскую армию, взяв в плен 130 000 человек). В 1943 году, после высадки союзников в Сицилии, Муссолини был свергнут, а Италия вышла из войны.

Урок Италии: нельзя построить армию на пропаганде и блефе. Техника, обучение, мотивация — вот что действительно важно. Муссолини имел все три компонента в дефиците.

§8. Япония: империя с кровавым аппетитом

На другом конце Евразии, в Японии, также шла милитаризация. Японская армия к 1939 году насчитывала 1,7 миллиона солдат, 2000 самолетов, 1000 танков (в основном легкие Туре 95 и Туре 97). На море японский императорский флот был вторым в мире после американского: 10 линкоров, 6 авианосцев (самый мощный авианосный флот в 1941 году), 18 тяжелых крейсеров.

Но японская военная машина имела фатальные недостатки. Во-первых, армия и флот ненавидели друг друга. Они конкурировали за бюджет, за влияние на императора, за стратегическое планирование. Армия хотела наступать на север, против СССР (чтобы захватить Сибирь и нефть). Флот хотел на юг, против США и Великобритании (чтобы захватить нефть Голландской Ост-Индии). В результате Япония не имела единой стратегии — металась между двумя направлениями.

Во-вторых, японская армия была жестокой до патологии. Обращение с военнопленными, гражданским населением на оккупированных территориях (Китай, Корея, Филиппины) было зверским. Нанкинская резня 1937 года, когда японские солдаты убили 300 000 китайцев (включая женщин, детей, стариков), шокировала даже нацистскую Германию. Эта жестокость не была побочным эффектом — она была частью военной доктрины: японские офицеры верили, что запугивание населения сокращает сопротивление. На практике это привело к обратному эффекту: китайцы, американцы, британцы сражались с японцами до последнего, потому что знали — сдаваться бессмысленно.

В-третьих, японская промышленность уступала американской в разы. В 1941 году США производили стали в 10 раз больше, чем Япония, нефти — в 500 раз больше, самолетов — в 4 раза больше. Когда японские адмиралы предупреждали: «Если мы нападём на Америку, мы можем выиграть 6 месяцев, но потом американская промышленность задавит нас», их не слушали. Господствовала идеология «кокутай» — уникальность японской нации, её духовное превосходство над материалистической Америкой. Духовное превосходство, к сожалению, не останавливает бомбы.

Итог: Япония была опасным, но ограниченным противником. Она могла нанести ужасный первый удар (как в Перл-Харборе), но не могла выиграть затяжную войну на истощение. Это предопределило её поражение в 1945 году.

§9. Танки, самолеты, корабли: соревнование технологий

Военные приготовления 1930-х годов — это не только цифры, но и качество техники. Германия сделала ставку на качество и взаимодействие родов войск. Танк Pz.III (боевая масса 22 тонны, 50-мм пушка, скорость 40 км/ч) стал основой панцерваффе до 1942 года. Pz.IV (25 тонн, 75-мм короткоствольная пушка) предназначался для поддержки пехоты. Но Гитлер также делал ставку на «чудо-оружие» — которое часто оказывалось сырым и ненадежным.

Франция имела отличные танки, превосходящие немецкие по броне. Char B1 (30 тонн, 75-мм пушка в корпусе, 47-мм — в башне, броня 60 мм) был неуязвим для немецких 37-мм пушек. Но французские танки были медленными (20 км/ч), имели плохую связь (раций не было), и — самое главное — они были распылены по всей пехоте, а не собраны в танковые дивизии. Французское командование не понимало концепции «танкового кулака». Немцы концентрировали 300 танков на узком участке фронта, французы растягивали свои лучшие танки по всей линии обороны по 10–20 штук на дивизию.

СССР имел лучший танк Второй мировой — Т-34. Созданный в 1940 году конструктором Михаилом Кошкиным, Т-34 сочетал мощную 76-мм пушку, наклонную броню (которая «отражала» снаряды), дизельный двигатель (менее пожароопасный, чем бензиновый) и широкие гусеницы для проходимости по грязи и снегу. Немцы в 1941 году были шокированы: их противотанковые пушки 37-мм беспомощно стучали по броне Т-34, а немецкие танки Pz.III не могли поразить его с дистанции свыше 300 метров. Генерал Гудериан писал: *«Т-34 заставил нас пересмотреть все наши взгляды на танкостроение»*. К сожалению для СССР, в июне 1941 года Т-34 было всего около 1000 штук, и многие из них вышли из строя из-за поломок и отсутствия запчастей.

Самолеты. Лучшим истребителем начала войны был немецкий Messerschmitt Bf-109: скорость до 570 км/ч, вооружение — два пулемета и пушка. Английский Supermarine Spitfire был примерно равноценен. Советские «Яки» и «ЛаГГи» уступали по скорости и скороподъемности, но были живучее и проще в ремонте. Японский Zero был самым маневренным истребителем в мире, но почти не имел брони — загорался от одного попадания.

Морские силы. Линкоры, считавшиеся главной силой флота в начале 1930-х, к 1939 году уже устаревали. Немецкий «Бисмарк» (50 000 тонн, 8 пушек 380-мм) был лучшим линкором Европы, но был потоплен уже в первом походе (май 1941 года) британской авиацией и флотом. Авианосцы стали новой силой. Япония имела 6 авианосцев ударной группы, США — 3, Англия — 4. Перл-Харбор (декабрь 1941 года) доказал, что авианосец — это король океана, а линкор — король-консорт.

§10. Резюме: кто был готов к войне на самом деле?

Подводя итог военным приготовлениям 1933–1939 годов, можно вывести простую таблицу готовности:

Германия была готова к ограниченной, быстротечной войне. Блицкриг работал против Польши, Франции, Норвегии, Балкан. Но Германия не была готова к затяжной войне на истощение против СССР и США. Её ресурсы (нефть, сталь, рабочая сила) были ограничены. Гитлер знал это — поэтому он так торопился. «Мы должны выиграть войну до того, как у нас кончится бензин», — говорил он в 1941 году.

Франция была готова к Первой мировой — позиционной, статичной, оборонительной. Французская армия была хороша в окопах, но беспомощна перед маневром. Линия Мажино стала символом окостеневшего мышления. Когда немцы обошли её, французская военная машина развалилась за недели.

Великобритания была готова к морской и воздушной войне, но не к сухопутной. Английский флот и авиация были первоклассными, но сухопутная армия — маленькой и плохо оснащенной. К счастью для Британии, после Дюнкерка ей дали год передышки (июнь 1940 — июнь 1941), чтобы перевооружиться.

СССР был готов к войне количеством, но не качеством. 5 миллионов солдат, 20 000 танков, 10 000 самолетов — на бумаге это выглядело устрашающе. Но репрессии против командного состава, устаревшая доктрина, плохая связь, нехватка офицеров, огромная растянутость войск по границе сделали Красную армию уязвимой. В июне 1941 года советские дивизии стояли в летних лагерях, не окапывались, не маскировались. В первые недели войны вермахт уничтожил 5000 советских самолетов прямо на аэродромах.

Япония была готова к агрессивной, жестокой, но ограниченной войне в Азии. Против Китая (ослабленного гражданской войной) японская армия была страшной силой. Против США, Англии и СССР одновременно — нет.

Италия не была готова ни к какой войне. Армия Муссолини была «картонной» — красивой на парадах и никчемной в бою. Единственное, что делало Италию опасной, — её географическое положение (Средиземноморье). Но как боевая сила итальянцы были обузой даже для Гитлера.

Важнейший вывод: война — это не только техника и солдаты. Это доктрина, стратегия, моральный дух, качество командования. В 1939 году Германия имела лучшую доктрину (блицкриг), лучшую подготовку офицеров и высочайший моральный дух (солдаты верили в фюрера и в победу). Её противники имели разрозненные, устаревшие, противоречивые концепции. Потребовалось два года кровавых поражений (1941–1942), чтобы союзники научились воевать по-новому. И это обучение стоило миллионов жизней.

Глава 4. Ложь и пропаганда: как готовили народы к войне

§1. Пропаганда как оружие: почему слово убивает не хуже пули

Война начинается не тогда, когда первый солдат переступает границу. Война начинается в головах людей — за месяцы и годы до первого выстрела. Пропаганда — это оружие массового поражения, которое не оставляет физических ран, но калечит души и делает возможным то, что в нормальном состоянии психики невозможно: убийство незнакомых людей, бомбежки городов, сожжение деревень.

В XX веке пропаганда стала индустрией. В Первую мировую все воюющие стороны активно использовали агитационные плакаты, кинохронику, газеты. Но именно в 1930-е годы пропаганда достигла технологического совершенства. Радио — новое средство массовой информации — позволяло обращаться к миллионам одновременно. Гитлер говорил: «Тот, кто владеет радио, владеет Германией». В СССР Сталин сделал то же самое с газетами и радио. В Англии и США пропаганда была более тонкой, но не менее эффективной.

Задача пропаганды — не убедить, а внушить. Не дать человеку информацию, а сформировать у него эмоцию. Гнев, страх, гордость, ненависть — эти чувства отключают критическое мышление. Человек, охваченный пропагандой, не задает вопросов. Он действует как робот, запрограммированный на ненависть к «врагу» и любовь к «вождю».

В этой главе мы разберем, как пропаганда работала в четырех главных странах-участницах Второй мировой: нацистской Германии, Советском Союзе, Великобритании и США. Мы увидим механизмы внушения, манипуляции фактами, создание образов «врага» и «героя». И поймем, почему миллионы людей шли на смерть, считая это своим долгом.

§2. Йозеф Геббельс: гений лжи

Министр народного просвещения и пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс был, пожалуй, самым талантливым пропагандистом в истории. Доктор философии (он защитил диссертацию по романтической драме), Геббельс понимал человеческую психологию лучше, чем любой профессор. Его принципы пропаганды актуальны до сих пор — их изучают в школах политтехнологий.

Первый принцип Геббельса: «Пропаганда должна быть простой и повторяющейся». Сложные идеи не работают. Нужно выбрать один лозунг и вбивать его в головы снова и снова, пока он не станет рефлексом. Главный враг — евреи. Главный герой — фюрер. Главная цель — победа. Всё остальное — детали. Немецкие газеты каждый день печатали статьи о «жидобольшевицком заговоре», о «еврейском капитале», о «расовом смешении». Даже если человек не верил в это в 1933 году, к 1939 году он начинал верить — потому что слышал это каждый день.

Второй принцип: «Пропаганда не должна быть объективной. Она должна служить интересам государства». Факты можно отбирать, редактировать, искажать — главное, чтобы они работали на нужный результат. Когда немецкая подводная лодка топила британский пассажирский лайнер «Атения» (сентябрь 1939 года), Геббельс сначала отрицал, что это сделала Германия. Потом, когда улики стали неопровержимы, он объявил, что «Атения» везла оружие, а значит, это был законный военный корабль (на самом деле на лайнере было 1400 пассажиров, включая 300 американцев).

Третий принцип: «Война — это продолжение пропаганды другими средствами». Геббельс считал, что военные операции нужно освещать так, чтобы поддерживать моральный дух населения. Победы — громко, шумно, с парадами и фанфарами. Поражения — замалчивать или объяснять «героическим отступлением по стратегическим соображениям». К 1943 году, когда вермахт терпел поражение за поражением на Восточном фронте, немецкие газеты продолжали писать о «гибкой обороне» и «перегруппировке сил». Слово «отступление» было запрещено.

Четвертый принцип: «Великая ложь, повторенная достаточно часто, становится правдой». Геббельс верил, что люди скорее поверят большой лжи, чем маленькой, потому что большая ложь слишком чудовищна, чтобы кто-то мог её выдумать. Классический пример: обвинение евреев в том, что они «развязали мировую войну». Это была ложь, но Геббельс повторял её так часто и так громко, что миллионы немцев приняли её за правду.

В 1944 году, когда советские войска уже стояли у границ Германии, Геббельс произнес свою знаменитую речь в Спортпаласте: «Хотите ли вы тотальной войны?». Зал ревел: «Да!». Люди верили, что «чудо-оружие» (ракеты Фау-1, Фау-2, реактивные истребители) переломит ход войны. Геббельс знал, что это чудо не спасет Германию. Но ему нужно было, чтобы немцы продолжали сражаться до конца — не ради победы, а ради того, чтобы не допустить «еврейско-большевицкого порабощения». Он предпочел бы видеть Германию в руинах, чем свободной, но не нацистской.

§3. Инструменты Геббельса: радио, кино, «народные приемники»

Как Геббельс доносил свою пропаганду до каждого немца? У него была целая армия инструментов. Самый мощный — радио. К 1939 году в Германии насчитывалось 10 миллионов радиоприемников. Геббельс приказал производить дешевые «народные приемники» (Volksempfänger) по цене 35 марок — так, чтобы их мог купить любой рабочий. Приемник был настроен только на государственные волны. Немецкие семьи собирались вечером у радиоприемника, чтобы послушать речи Гитлера (которые передавались в прямом эфире) и сводки Вермахтберихт (армейские бюллетени).

Второй инструмент — кино. Нацисты контролировали всю киноиндустрию. Еврейские режиссеры, актеры, сценаристы были уволены. Вместо них пришли послушные партийцы. Каждый киносеанс начинался с 15-минутного пропагандистского журнала «Дойче Вохеншау» (Немецкое еженедельное обозрение) — цветные кадры побед вермахта, марширующих колонн, фюрера, принимающего парады. Самым известным пропагандистским фильмом стала «Еврей Зюсс» (1940) — отвратительный расистский памфлет, который изображал евреев как хищников, развращающих немецких девушек. Фильм посмотрели 20 миллионов немцев. После просмотра в некоторых городах происходили еврейские погромы.

Третий инструмент — печать. Геббельс каждый день проводил утренние совещания с редакторами главных газет. Он давал команды: «Сегодня пишем о британских зверствах в колониях», «Завтра — о советских концентрационных лагерях», «Через неделю — о том, что американцы бомбят немецкие больницы». Единый информационный поток. Никаких альтернативных мнений. Газеты, которые отклонялись от линии (их были единицы, например, «Франкфуртер Цайтунг» до определенного момента), быстро закрывались.

Четвертый инструмент — массовые мероприятия. Нюрнбергские партийные съезды, факельные шествия в день рождения Гитлера, спортивные праздники с нацистской символикой. Люди собирались вместе, кричали «Зиг хайль!», чувствовали себя частью огромной, единой, непобедимой нации. Эта эмоция — «чувство локтя», сопричастность — была, пожалуй, самым мощным наркотиком. Человек, который марширует с тысячами других под знаменами со свастикой, не задает вопросов. Он просто чувствует себя сильным и правым.

Показательный эпизод: в 1936 году в Берлине прошла Олимпиада. Геббельс превратил её в грандиозную пропагандистскую акцию. Стадион был украшен нацистской символикой (хотя символика была запрещена олимпийской хартией). Немецкие спортсмены показали блестящие результаты (в основном благодаря допингу, который тогда не был запрещен). Иностранные журналисты писали о «возрожденной Германии», о «дисциплине и порядке». Никто не увидел концлагеря, которые уже работали полную силу. Геббельс улыбался: «Олимпийские игры показали миру другую Германию. Но это не обман. Это — наша лучшая Германия. Та, которую мы строим».

§4. Советская пропаганда: от «мира» к «священной войне»

В Советском Союзе пропаганда была не менее мощной, но идеологически другой. До 22 июня 1941 года советская пропаганда твердила: «Мир победит войну». Сталин был уверен, что ему удастся оттянуть столкновение с Гитлером до 1942–1943 годов. Поэтому в газетах, по радио, в кино внушали: «Красная армия непобедима», «Если враг нападет, мы разобьем его на его же территории», «Война не будет иметь для нас серьезных последствий».

Советская пропаганда нападала на «поджигателей войны» — империалистов Англии и Франции. Пакт Молотова–Риббентропа (август 1939 года) был представлен как «гениальный сталинский ход, который обеспечил СССР мир на два года». Немцы изображались не как враги, а как «дружественная держава, с которой у СССР подписан договор». Вплоть до утра 22 июня 1941 года советские газеты печатали сообщения ТАСС о том, что «слухи о возможной войне с Германией — злобная выдумка англо-американских империалистов».

А потом грянул удар. 22 июня в 12:15 по московскому радио выступил Вячеслав Молотов (Сталин был в шоке и не мог говорить). Молотов, запинаясь, прочитал речь: «Сегодня, в 4 часа утра, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». Нацистская Германия мгновенно превратилась из «друга» в «лютого врага». И советская пропаганда перестроилась за 24 часа.

Новый лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!». Газеты начали печатать списки зверств вермахта: сожженные деревни, расстрелянные дети, угнанные в рабство люди. Часть этих сообщений была правдой (нацисты действительно творили чудовищные вещи), часть — преувеличением или прямой ложью (например, сталинская пропаганда утверждала, что немцы плавят трупы советских солдат на мыло — хотя таких фактов не зафиксировано). Но цель была одна: вызвать ненависть, такую сильную, чтобы солдаты не сдавались, а рабочие работали по 14 часов без выходных.

Главным пропагандистским инструментом стало стихотворение Константина Симонова «Убей его!» (1942): «...Если дорог тебе твой дом, / Где ты русским выкормлен был, / Убей немца! / Если он убил твоего отца / Или брата, или мать / Убей немца! / ...Сколько раз увидишь его, / Столько раз и убей!». Образ врага дегуманизировался. Немец — не человек, а «фашистская гадина», «двуногая тварь», «фриц». Убивать его — не преступление, а священный долг.

Второй мощный инструмент — имя Сталина. С 1941 года Сталин стал «отцом народов», «великим вождем», «гениальным полководцем». Любая победа (даже самая скромная) приписывалась «сталинскому гению». Любое поражение объяснялось «вероломством врага» и «героическим сопротивлением». Сталин контролировал все тексты. Он лично правил сводки Совинформбюро, исправлял слова, требовал более бодрого тона. Речь Сталина 7 ноября 1941 года на Красной площади (когда немцы стояли в 40 километрах от Москвы) стала символом несгибаемой воли: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!». Сталин впервые апеллировал не к коммунизму, а к русскому патриотизму. Это сработало. Люди воевали не за партию, а за «землю русскую».

§5. Инструменты советской пропаганды: плакаты, «Окна ТАСС» и Левитан

Советская пропаганда времен войны запомнилась прежде всего плакатами. Самый знаменитый — «Родина-мать зовет!» художника Ираклия Тоидзе (1941). Женщина в красном, с поднятой правой рукой, держащая текст военной присяги. Её лицо — суровое, гневное, но не ненавидящее. Это не пропаганда ненависти, это пропаганда защиты. «Родина-мать» — образ, понятный каждому русскому, украинцу, белорусу. Плакат висел на каждом вокзале, в каждом военкомате, на каждой фабрике.

Другой знаменитый плакат — «Воин Красной Армии, спаси!» (художники Кукрыниксы). На нём изображен советский солдат, который поднимает штык на немецкого офицера, стоящего над плачущей женщиной с ребенком. Черно-белый, резкий, без полутонов. «Убей гада!» — гласил текст. Этот плакат тиражировался миллионами экземпляров, его наклеивали на стены домов в освобожденных городах.

«Окна ТАСС» — это ручные сатирические плакаты, которые рисовали художники в Москве и развозили по всей стране. Каждое «окно» высмеивало Гитлера, Геринга, Геббельса, изображая их в карикатурном виде: Гитлер — с крысиными зубами и метлой вместо фюрера, Геринг — жирный боров в мундире. Сатира поднимала настроение, вселяла уверенность — «даже их вожди смешны, значит, они не страшны».

Голос советской пропаганды — Юрий Левитан. Диктор Всесоюзного радио, Левитан имел тембр голоса, который внушал доверие и спокойствие. Каждый день в 21:00 миллионы советских людей замирали у репродукторов («тарелок») на улицах или у домашних радиоприемников. «От Советского информбюро...» — начинал Левитан. И люди слушали, затаив дыхание. Если Левитан читал сводку бодрым голосом — значит, дела идут хорошо. Если голос был мрачным — значит, тяжелые бои. Левитан стал символом надежды. Когда Сталин приказал эвакуировать его из Москвы (осенью 1941 года) в Свердловск, Левитан продолжал вещать оттуда. Враги объявили за его голову награду — 250 тысяч марок. Но никто не выдал.

Радио было важно не только внутри СССР, но и за рубежом. Советское радио вещало на немецком, английском, французском языках. Передачи «Говорит Москва» рассказывали западным слушателям о подвигах советских солдат, о зверствах нацистов. Это была битва за умы. В Германии слушать советское радио было запрещено — за это грозила смертная казнь. Но многие немцы все равно слушали, чтобы узнать правду, которую скрывал Геббельс.

§6. Британская пропаганда: спокойствие, только спокойствие

Англичане подошли к пропаганде по-своему — сухо, иронично, без пафоса. Главный принцип британской пропаганды: не создавать панику, не впадать в истерию, сохранять «верхнюю губу жесткой» (keep calm and carry on — этот знаменитый плакат, разработанный в 1939 году на случай вторжения, почти не использовался в военное время и стал известен только в 2000-е).

Главным пропагандистским инструментом Британии было радио BBC. Голос диктора (например, Алистера Кука или Джона Снэджа) звучал спокойно, буднично, как будто ничего особенного не происходит. «Сегодня немецкие бомбардировщики атаковали Лондон. Разрушен вокзал Виктория, погибло 62 человека. Завтра ожидается дождь. Температура плюс 12...». Это спокойствие действовало успокаивающе. Люди думали: «Раз по радио говорят таким голосом, значит, всё не так страшно. Мы выдержим».

Британское Министерство информации выпускало плакаты, которые стали классикой. «Ложь — это оружие. Не бери его в руки» — против слухов. «Зачем тратить воду на мытье машины, когда этой водой можно потушить пожар?» — против расточительства. «Случайное слово может потопить корабль» — против болтовни на секретные темы. Никакого «священного долга», никакой «ненависти к врагу». Только практические советы. Британец времен войны был гражданином, а не воином; его задача — работать, экономить, не паниковать.

Особого внимания заслуживает политическая карикатура. Художник Дэвид Лоу в газете «Ивнинг Стандарт» рисовал Гитлера и Муссолини как клоунов — смешных, жалких, бессильных. Карикатура снижала образ врага. Невозможно бояться человека, над которым смеешься. Одна из самых знаменитых карикатур Лоу (1940 год) изображает Гитлера, который стоит на берегу Ла-Манша и тянется к Англии, но не может дотянуться. Подпись: «Очень плохо, когда руки коротки».

Британская пропаганда также активно использовала кинохронику. Каждую неделю в кинотеатрах показывали выпуски «Пате газетт» и «Бритиш моветон ньюс». Кадры: британские летчики садятся в «Спитфайры», женщины работают на заводах, дети собирают металлолом для переплавки. Всё — буднично, без пафоса, но с чувством гордости. «Мы делаем то, что должны. Мы выиграем, потому что мы — британцы».

Пропаганда за рубежом: BBC вещала на немецком языке. Программа «Херр Вицлебен» (вымышленный персонаж) насмехалась над нацистским режимом, зачитывала списки потерь вермахта (которые Геббельс скрывал), называла имена убитых офицеров. Многие немцы тайно слушали Би-би-си, несмотря на запрет. Геббельс был в ярости: «Этот еврейский шепот из Лондона разлагает наш народ!». Он приказал глушить сигнал BBC, но глушение было неэффективным.

§7. Американская пропаганда: война как шоу-бизнес

США вступили в войну только в декабре 1941 года, после Перл-Харбора. Американская пропаганда должна была в кратчайшие сроки превратить нацию изоляционистов («нас Европа не касается») в нацию воинов. И у неё это получилось блестяще.

Президент Франклин Рузвельт стал главным пропагандистом. Его «беседы у камина» (радиообращения к нации) слушали 60 миллионов американцев. Рузвельт говорил простым, теплым, отеческим голосом: «Друзья мои, прошлой ночью японцы атаковали Перл-Харбор. Мы не искали этой войны, но мы примем вызов. Мы победим, потому что мы верим в Бога и в нашу правоту». Никакой ненависти к японцам (поначалу), только решимость.

Но очень быстро американская пропаганда приобрела расовую окраску, особенно против Японии. Японцев изображали обезьяноподобными существами с клыками, толстыми очками, крысиными лицами. Плакаты призывали: «Убей обезьяну!», «Единственный хороший японец — мертвый японец». Это была самая грязная пропаганда из всех воюющих сторон (кроме нацистской). В 1942 году Рузвельт подписал указ об интернировании 120 000 американцев японского происхождения (включая граждан США) в концлагеря «для безопасности». Ни одного немецкого или итальянского интернирования в таких масштабах не было. Расовая ненависть взяла верх над правом.

Против Германии американская пропаганда была более сдержанной, но не менее эффективной. Плакаты изображали Гитлера как маньяка с пеной у рта, который пытается уничтожить «свободный мир». Дядя Сэм указывает пальцем: «Я хочу тебя для армии США» (этот знаменитый плакат художника Флэгга 1917 года был переиздан в 1941 году). Голливуд включился в пропаганду. Фильмы «Касабланка» (1943), «Миссия в Москву» (1943), «За которым гонится дьявол» (1942) показывали американцев как героев, спасающих мир от коричневой чумы. В «Касабланке» есть знаменитая сцена, где герой Хамфри Богарта (Рик Блейн) поет «Марсельезу» в баре, заглушая пение немецких офицеров. Зрители в кинотеатрах плакали и аплодировали.

Особая роль — финансовая пропаганда. США продавали «военные облигации» (war bonds). Плакаты с морпехами, водружающими флаг над Иводзимой, призывали: «Купи облигацию! Каждый доллар — это пуля в сердце Гитлера!». Звезды Голливуда (Бетт Дейвис, Кэри Грант, Боб Хоуп) ездили по стране с концертами и лекциями, призывая к покупке облигаций. К концу войны американцы вложили в облигации 185 миллиардов долларов — гигантская сумма, которая профинансировала военные усилия.

§8. Враг внутри: как пропаганда создавала образ предателя

Образ врага — это только половина пропаганды. Вторая половина — образ «предателя внутри», «пятой колонны», «врага народа». В каждой воюющей стране были свои «враги внутри».

В нацистской Германии это были евреи, коммунисты, цыгане, пацифисты, религиозные сектанты. Геббельс создал образ «диверсанта, который прячется за углом». На плакатах: еврей с кинжалом в руке стоит за спиной немецкого солдата. «Осторожно, враг слушает!» — подпись. Это оправдывало массовые аресты, концентрационные лагеря, погромы. Когда немцы проигрывали, легче всего было свалить вину на «предателей-евреев», которые «ударил ножом в спину» (легенда 1918 года вернулась в 1943-м).

В Советском Союзе — это «шпионы», «диверсанты», «космополиты», «буржуазные националисты». Сталинская пропаганда требовала от граждан доносить на соседей, друзей, коллег. «Если вы видите подозрительного человека, немедленно сообщите в НКВД!» — плакаты с этим текстом висели в каждом подъезде. Это создавало атмосферу всеобщего страха, но также и всеобщей бдительности. Параноидальный режим боролся с «врагами народа» даже тогда, когда нацисты стояли у стен Москвы.

В Великобритании и США врагом внутри были «политические экстремисты», «нацистские симпатизанты», «уклонисты». В Англии интернировали несколько тысяч немецких и итальянских эмигрантов (включая многих еврейских беженцев от нацизма — по иронии судьбы). В США, помимо японцев, преследовали также левых активистов, пацифистов, даже некоторых членов Конгресса, которые голосовали против военных ассигнований. Свобода слова в военное время была ограничена везде. Разница была в степени: в Германии и СССР — смерть за поражение, в Англии и США — тюрьма или штраф.

Интересный феномен — «лорд Хо-Хо» (Уильям Джойс). Американец ирландского происхождения, который стал гражданином Германии и вел на английском языке пропагандистские передачи на BBC. «Германия зовет!» — начинал он слащавым голосом. Он предсказывал поражение Англии, насмехался над Черчиллем, называл евреев виновниками войны. Многие британцы слушали его ради развлечения — он был настолько карикатурным, что вызывал смех, а не страх. После войны Джойс был пойман в Германии, судим за государственную измену (хотя формально он был американцем, но британское гражданство у него было по отцу) и казнен в 1946 году.

§9. Пропаганда в 1945-м: что случается, когда ложь догоняет реальность

К 1945 году пропагандистские машины всех воюющих сторон столкнулись с одной проблемой: реальность перестала соответствовать их рассказам. Немецкие газеты писали о «непобедимом вермахте», а на самом деле вермахт отступал по всему фронту. Советское радио сообщало о «плановом отступлении», а на самом деле Красная армия несла чудовищные потери. Американские плакаты обещали «быструю победу», а на Тихом океане шли кровавые бои за каждый остров.

В Германии Геббельс применил «тактику отчаяния». Он объявил, что если Германия проиграет, то она заслужила свою судьбу. «Мы не хотим идти в будущее, где нас ждет позор. Мы хотим умереть, но умереть героями». В марте 1945 года, когда советские танки были уже в 100 километрах от Берлина, Геббельс произнес последнюю радиоречь: «Народ выбрал свою судьбу. Почему вы не хотите бороться за свое существование?». Геббельс был одним из немногих нацистских лидеров, кто остался в бункере с Гитлером до конца. Он отравил своих шестерых детей цианидом (засунув им в рот ампулы, пока они спали), а затем покончил с собой вместе с женой. Пропаганда привела его к абсолютному цинизму: если не мы, то никто.

В Советском Союзе пропаганда в конце войны, напротив, стала ликовать. «Победа будет за нами!» превратилось в «Мы победили!». 9 мая 1945 года Юрий Левитан объявил о капитуляции Германии. Миллионы людей вышли на улицы — плакали, смеялись, целовались. Сталин выступил по радио: «Товарищи! Соотечественники! Великий день победы наступил...». Пропаганда наконец совпала с реальностью. Но уже через несколько лет, в начале Холодной войны, она снова разошлась — появились «враги народа» внутри (евреи-космополиты, троцкисты, врачи-вредители). Пропаганда никогда не заканчивается с войной. Она просто меняет врага.

В США и Англии пропаганда плавно перетекла в мирную жизнь. «Мы выиграли войну, теперь выиграем мир». Плакаты призывали к экономии (послевоенный дефицит), к возвращению солдат домой, к созданию ООН. Но остался горький осадок: японские интернированные не получили компенсации до 1988 года; ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была представлена как «необходимая мера для спасения жизней американских солдат» — эта ложь оспаривается историками до сих пор.

§10. Резюме: что мы знаем о пропаганде сегодня

Через 80 лет после окончания Второй мировой мы можем подвести итог роли пропаганды. Она не была «шумом на фоне». Она была одним из главных оружий войны — не менее важным, чем танки или самолеты.

Во-первых, пропаганда позволила диктаторам (Гитлеру, Сталину, Муссолини) подготовить народы к войне, которая принесла невиданные страдания. Без пропаганды нацисты не смогли бы организовать Холокост — обычные немцы не поверили бы, что евреев нужно уничтожать. Без пропаганды Сталин не смог бы заставить миллионы людей умирать в окружении и концлагерях. Пропаганда — это предпосылка геноцида.

Во-вторых, пропаганда работает через эмоции, а не через разум. Ненависть, страх, гордость, надежда — вот рычаги, которые двигают толпами. Рациональные аргументы («война — это плохо», «убивать людей неэти

Глава 5. Вторжение в Польшу. Сентябрь 1939 года: первый блицкриг

§1. Предыстория: Данциг, коридор и немецкий гнев

Чтобы понять, почему 1 сентября 1939 года миллион немецких солдат пересекли польскую границу, нужно вернуться на 20 лет назад — в Версаль, 1919 год. Именно там поляки получили то, чего их лишили разделы XVIII века: независимое государство, восстановленное из обломков трех империй — Российской, Германской и Австро-Венгерской.

Но Версальский договор создал не только польское государство, но и хроническую рану на теле Германии. «Польский коридор» — полоса земли шириной от 40 до 100 километров, которая отделяла Восточную Пруссию (немецкую территорию) от остальной Германии. Через этот коридор протекала река Висла, и на её берегу стоял город Данциг (ныне Гданьск) — порт с 95-процентным немецким населением, объявленный «вольным городом» под управлением Лиги Наций. Польша получила право на собственный порт в Гдыне, но не на Данциг.

Для немцев «коридор» был национальным унижением. Немецкий школьник из Берлина не мог поехать в Кёнигсберг (ныне Калининград) поездом, не пересекая польскую границу и не показывая паспорт на таможне. Немецкие плакаты 1920–1930-х годов изображали карту Германии с отрубленной рукой — и подписью: «Данциг немецкий, коридор немецкий, Польша должна быть уничтожена». Эта риторика не была изобретением нацистов. Её пестовали все немецкие партии — от коммунистов до консерваторов.

Гитлер пришел к власти в 1933 году, пообещав уничтожить Версаль. Первые пять лет он действовал осторожно: ремилитаризация Рейнской области (1936), аншлюс Австрии (1938), Мюнхенский сговор и аннексия Судет (1938). В марте 1939 года он проглотил остатки Чехословакии — Богемию и Моравию как «протекторат», Словакию как марионеточное государство. Теперь настала очередь Польши.

15 марта 1939 года Гитлер вызвал польского посла Липского и потребовал: Данциг — в состав Германии, экстерриториальная автострада и железная дорога через «польский коридор», присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту (союзу против СССР). В обмен Гитлер обещал гарантировать польские границы на 25 лет и предоставить Польше часть украинских земель СССР после «будущей войны на Востоке». Это была западня: приняв условия Гитлера, Польша стала бы немецким сателлитом. Отказавшись — подверглась бы вторжению.

Польское правительство, вдохновленное британскими и французскими гарантиями (31 марта 1939 года Англия и Франция объявили, что защитят Польшу в случае нападения), отказалось. Посол Липский ответил вежливо, но твердо: «Данциг — наша экономическая и культурная связь с морем. Мы не уступим его». Гитлер взбесился. 3 апреля 1939 года он подписал директиву о подготовке операции «Вайс» (Fall Weiss) — вторжения в Польшу. Срок — 1 сентября 1939 года.

§2. Польша перед войной: отвага без надежды

Польша в сентябре 1939 года была страной контрастов. С одной стороны — бум национализма: «Польша сильная, единая, непобедимая!». С другой стороны — военная реальность: устаревшая техника, растянутый фронт, отсутствие союзников на месте. Армия насчитывала 1 миллион солдат (в 30 пехотных дивизиях, 11 кавалерийских бригадах, нескольких танковых батальонах). На вооружении — 900 танков (в основном устаревшие «ТК-3» и «7ТР», французские «Рено» FT-17 образца 1918 года), 400 самолетов (уступавших немецким «Мессершмиттам»). Противовоздушной обороны почти не было. Противотанковых орудий — на одну дивизию меньше, чем полагалось по штату.

Самая большая проблема — география. Польша была окружена с трех сторон: с запада — Германия (Померания, Силезия, Бранденбург), с севера — Восточная Пруссия (тоже немецкая), с юга — Словакия (марионетка Гитлера). Единственный друг — Румыния на юго-востоке, но она была нейтральной и не собиралась воевать. Польский фронт растянулся на 2800 километров — слишком длинная линия для 1 миллиона солдат.

Польский план обороны (план «Захуд») предусматривал: прикрыть границу везде, где только возможно; не отступать за Вислу; дожидаться, пока Франция и Англия начнут наступление на западе (через 2–3 недели); затем перейти в контрнаступление. План был наивен. Он исходил из того, что Красная армия не нападет (Сталин соблюдет нейтралитет) и что вермахт будет наступать так же медленно, как германская армия в 1914 году.

Польские генералы не понимали блицкрига. Они думали, что танки — это поддержка пехоты, а не самостоятельная ударная сила. Они не верили, что немцы смогут продвигаться на 50–60 километров в день — для поляков 20 километров в день казались пределом. Они не учитывали авиацию — польские ВВС были в основном истребителями устаревшей конструкции, почти не имели бомбардировщиков. И самое главное: они не знали о пакте Молотова–Риббентропа (23 августа 1939 года) с секретным протоколом о разделе Польши. Западные союзники знали — советская разведка перехватила документ и показала англичанам и французам. Но они предпочли не говорить полякам, чтобы не деморализовать.

Польский народ был полон решимости. «За нашу и вашу свободу!» — этот девиз, унаследованный от наполеоновских легионов, звучал на митингах. Молодые люди записывались в армию добровольцами. Женщины шили теплую одежду для солдат. Газеты печатали карикатуры на Гитлера: горбатый карлик с усами щеткой, которого польский кавалерист протыкает пикой. Оптимизм граничил с самоубийственной бравадой. Но полякам не в чем себя упрекнуть: у них не было выбора. Либо сражаться, либо исчезнуть с карты Европы — как это уже случилось трижды в XVIII веке.

§3. Операция «Гиммлер»: как нацисты сфабриковали повод

Гитлеру нужен был *casus belli* — формальный повод для войны. Он поручил это шефу СС Генриху Гиммлеру и начальнику гестапо Рейнхарду Гейдриху. Те разработали операцию «Гиммлер» (позже переименованную в «Консервы» — потому что трупы были «консервами» для прессы).

План был циничным: инсценировать польское нападение на немецкую территорию, чтобы объявить оборону и вторгнуться в Польшу «в ответ на агрессию». В ночь с 31 августа на 1 сентября 1939 года эсэсовцы под видом польских солдат атаковали немецкую радиостанцию в Глейвице (ныне Гливице, Польша), расположенную в 5 километрах от границы. Они ворвались в здание, выкрикнули несколько фраз на польском языке по радио («Внимание, здесь Глейвиц! Германия находится в опасности!»), а затем ушли, оставив несколько трупов переодетых заключенных из концентрационных лагерей, которые были умерщвлены инъекциями и затем расстреляны для правдоподобности.

Одновременно были инсценированы еще два нападения: на таможенный пост в Хохлинде и на лесную сторожку в Питшене. Гейдрих лично руководил операцией. Он приказал: «Трупы должны быть в польской военной форме. Оружие — польское. Документы — поддельные». Всё было сделано с немецкой педантичностью.

На следующее утро, 1 сентября, Гитлер выступил в рейхстаге с речью. Он говорил срывающимся голосом, в военной форме, с железным крестом на груди: «Прошлой ночью Польша впервые совершила нападение на нашу территорию. Польские регулярные войска обстреляли нашу границу. Мы отвечаем огнем. С сегодняшнего дня мы будем называть это возмездием. С сегодняшнего дня это будет война!». Зал взревел. Депутаты вскинули руки в нацистском приветствии. Никто не задал вопроса: «А где доказательства?». Никто не потребовал международного расследования. 80 миллионов немцев поверили фюреру.

Сегодня историки точно знают: операция «Гиммлер» была фальшивкой. Эсэсовцы, участвовавшие в ней, дали показания на Нюрнбергском процессе. Но в сентябре 1939 года ложь сработала идеально. Геббельс разослал по всему миру фотографии «польских зверств» — окровавленных трупов в польской форме. Иностранные журналисты, аккредитованные в Берлине, не могли проверить информацию, потому что их не пускали в Глейвиц. Многие поверили — потому что «официальное сообщение» звучало убедительно.

Показательный эпизод: когда британский посол сэр Невил Гендерсон вручил немецкому правительству ультиматум (3 сентября), потребовав вывести войска из Польши, Гитлер ответил: «Мы всего лишь отвечаем на польскую агрессию. Англия не имеет права вмешиваться». Гендерсон, человек честный, сказал: «Ваше превосходительство, я не верю ни одному вашему слову. Но это уже не имеет значения. Война началась». И вышел из комнаты. За дверью он услышал, как Гитлер прошептал: «Что теперь будет?».

§4. Блицкриг: как немцы сломали польскую оборону за 72 часа

1 сентября 1939 года в 4:45 утра немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн» (учебный корабль времен Первой мировой, стоявший в Данцигской гавани с «дружественным визитом») открыл огонь по польскому полуострову Вестерплатте, где находился польский военный склад и гарнизон из 182 человек. Это был первый выстрел Второй мировой войны. Через несколько минут люфтваффе начали бомбить польские аэродромы, мосты, железные дороги, склады.

Немцы ввели в действие 1,5 миллиона солдат, 2800 танков (в основном Pz.I, Pz.II, Pz.III, Pz.IV), 2000 самолетов (Ju-87 «Штука», He-111, Do-17). Группа армий «Север» (фельдмаршал Федор фон Бок) должна была ударить из Померании и Восточной Пруссии на юг, к Варшаве. Группа армий «Юг» (генерал Герд фон Рундштедт) — из Силезии и Словакии на север, также к Варшаве. Цель: окружить и уничтожить польскую армию западнее Вислы, не дав ей отступить на восток.

Первые 72 часа шока. Польская авиация была уничтожена на аэродромах — 300 самолетов сгорели еще на земле, 200 были подбиты в воздухе. Оставшиеся польские летчики сражались героически (сбив около 150 немецких самолетов), но их было слишком мало. Польское командование потеряло связь с войсками — немецкая авиация разрушила линии телеграфа и радио. Генеральный штаб в Варшаве получал противоречивые сообщения: «Мы отступаем... Нет, мы держимся... Танки прорвались... Где резервы?».

Немецкие танковые дивизии (Гудериан, Гот, Клейст) наматывали по 50–60 километров в день. Они не ввязывались в бои за города, обходили польские укрепления с флангов и тыла, оставляя их окруженными для пехоты. Польская кавалерия — гордость армии, уланы с пиками и саблями — атаковала немецкие танки. Это не было безумием: уланы надеялись спешиться и использовать противотанковые ружья, но немцы открывали огонь с дистанции 800 метров, где польские ружья были бесполезны. «Атака кавалерии на танки» стала символом польского героизма и немецкого технологического превосходства. На самом деле кавалерийские атаки случались редко и были продиктованы отчаянием: конь — единственное транспортное средство, которое работает на бездорожье, когда все грузовики уничтожены авиацией.

К 5 сентября польский фронт рухнул. Немецкие танки вышли к Висле в районе Влоцлавека, разрезав Польшу на две части. 7 сентября танки Гудериана достигли предместий Варшавы с севера (из Восточной Пруссии). 8 сентября части Рундштедта подошли к Варшаве с юга. Столица оказалась в полукольце. Польское правительство и верховное командование в ночь на 7 сентября покинули Варшаву и двинулись на юго-восток, к румынской границе. Президент Мосцицкий, главнокомандующий Рыдз-Смиглы — все бежали, оставив Варшаву гарнизону из 120 000 солдат и гражданскому населению (1,3 миллиона человек). Варшава объявила себя «осажденной крепостью» и готовилась к обороне.

§5. Вестерплатте, Бзура и Оксюве: три истории героизма

Польская кампания не была сплошным отступлением. В нескольких местах поляки сражались так, что немцы запомнили это на десятилетия.

Вестерплатте. Полуостров в Данцигской гавани, где польский гарнизон майора Хенрика Сухарски (182 солдата, 4 офицера) держал оборону против 3500 немецких моряков и солдат, поддерживаемых линкором «Шлезвиг-Гольштейн», артиллерией и авиацией. Немцы планировали захватить Вестерплатте за 2 часа. Вместо этого бой шел 7 дней. Поляки сидели в бетонных бункерах, отстреливаясь из пулеметов и минометов. Немцы применили огнеметы, тяжелую артиллерию (203-мм мортиры), бомбы. 7 сентября майор Сухарски, видя, что боеприпасы на исходе, а раненые умирают без медицинской помощи, принял решение о капитуляции. Немецкий командир генерал Эберхардт разрешил Сухарски оставить шпагу в знак уважения к храбрости. Это был единственный случай в польской кампании, когда немцы признали героизм врага.

Бзура (9–18 сентября). Самое крупное сражение польской кампании. Польские армии «Познань» и «Поможе» (всего 170 000 солдат) оказались в тылу немецких танков, прорвавшихся к Варшаве. Вместо того чтобы сдатьсь, поляки нанесли контрудар на юг, во фланг немецкой 8-й армии. В течение нескольких дней поляки продвигались, освободили города Лович и Ленчицу. Немцы в панике подтянули резервы — 10-ю танковую дивизию, авиацию, артиллерию. Поляки, у которых не было ни танков, ни самолетов, ни достаточного количества снарядов, дрались врукопашную, штыками и прикладами. К 18 сентября сражение закончилось: 100 000 поляков попали в плен, остальные пробившись к Варшаве или к Модлину. Немцы потеряли 8000 убитыми — больше, чем в любой другой операции польской кампании.

Оксюв и Кепа-Оксювска (10–19 сентября). Лесистый холм на северо-западе от Гдыни, где 9000 польских солдат под командованием полковника Дабеке держали оборону против 30 000 немцев. У поляков не было тяжелого вооружения, только винтовки, пулеметы, гранаты. Немцы атаковали при поддержке артиллерии и авиации, сбрасывая зажигательные бомбы на лес. Поляки отбивали атаку за атакой, переходя в штыковые контратаки. К 19 сентября боеприпасы кончились. Полковник Дабеке отдал приказ: «Каждый, у кого остался патрон, стреляет. Остальные — в штыки». Он был убит в последней контратаке. Из 9000 защитников выжили 400 — все раненные. Немцы, входя в окопы, снимали каски и отдавали честь. Оксюв стал польским аналогом Брестской крепости.

Эти три битвы не изменили исход кампании. Но они показали немцам, что поляки будут сражаться, даже когда всё потеряно. И они вдохновили другие народы Европы, которые потом тоже поднимутся против нацистов — но позже, через 2–3–4 года.

§6. Варшава: осада и капитуляция

8 сентября немецкие танки впервые появились у юго-восточных окраин Варшавы, в районе Праги. Но у немцев не было сил для немедленного штурма — танки ушли вперед, а пехота отстала. Варшава получила передышку на несколько дней. Гарнизон под руководством генерала Валентина Кумеля (120 000 солдат, включая ополченцев) строил баррикады, рыл противотанковые рвы, устанавливал орудия на крышах домов.

17 сентября Варшава была полностью окружена. Немцы предъявили ультиматум: «Сдайтесь, и мы сохраним город. Сопротивление приведет к уничтожению». Генерал Кумель ответил: «Жители Варшавы предпочитают смерть позору». 25 сентября люфтваффе устроили «ковровую бомбардировку» — 1150 самолетов сбросили на город 560 тонн бомб, включая зажигательные. Горели кварталы, в которых не было военных объектов. Горел еврейский квартал, горела главная библиотека (70 000 томов погибло), горел собор Святого Иоанна. Погибло около 10 000 гражданских.

26 сентября немцы начали штурм. Они ворвались в предместья, но были отброшены огнем польских 75-мм пушек, установленных на трамвайных платформах. Польские солдаты в гражданской одежде вели уличные бои за каждый дом, каждый подъезд. Нацистские офицеры требовали расстреливать всех пленных — Гитлер приказал «стереть Варшаву с лица земли». Но генерал Бласковиц, командующий осадой, не выполнил приказ — он сказал: «Солдаты не убивают безоружных».

27 сентября в Варшаве кончились боеприпасы, продовольствие, вода. Водопровод был разрушен, городские колодцы отравлены немецкими диверсантами. Генерал Кумель понял: еще день — и начнется голод, эпидемии, людоедство. Он послал к немцам парламентариев. 28 сентября Варшава капитулировала на почетных условиях: офицеры оставляют оружие, но сохраняют шпаги; солдаты уходят в плен; гражданским гарантируется безопасность. Немцы согласились — им нужно было освободить войска для наступления на восток, где уже действовала Красная армия.

140 000 польских солдат и офицеров построились в колонны и вышли из Варшавы. Жители стояли на тротуарах, плакали, бросали солдатам цветы. Немецкие солдаты, многие из которых только что штурмовали город, тоже плакали — они не ожидали увидеть такое мужество. Позже Гитлер, приехав в Варшаву, приказал взорвать Королевский замок (символ польской государственности) и вывезти в Германию всё ценное — статуи, картины, книги, даже дверные ручки из бронзы. Варшава должна была стать провинциальным немецким городом. Она не стала.

§7. 17 сентября: Красная армия вступает в игру

В то время как вермахт крушил польскую армию на западе, на востоке, за рекой Буг, стояла Красная армия — 800 000 солдат, 4000 танков, 3000 самолетов. По советско-польскому договору о ненападении (1932) эти силы не должны были пересекать границу. Но 23 августа 1939 года Молотов и Риббентроп подписали секретный протокол к пакту о ненападении, который делил Польшу на две сферы влияния: западная (до рек Нарев, Висла, Сан) — Германии, восточная (к востоку от этих рек) — СССР. Сталин ждал.

Он ждал, пока польское правительство покинет страну (7 сентября), пока Варшава окажется на грани падения, пока французы и англичане не придут на помощь полякам (они не пришли). 17 сентября, когда польская армия уже была разгромлена, но еще сражалась в нескольких очагах, Красная армия пересекла восточную границу Польши. Официальный предлог: «польское государство фактически прекратило свое существование, и СССР берет под защиту украинское и белорусское население, которому угрожает немецкая оккупация».

На самом деле Сталин выполнял условия пакта. Он хотел отодвинуть границу на запад, вернув территории, утраченные Советской Россией в 1921 году по Рижскому мирному договору (Западная Украина и Западная Белоруссия). Он также хотел создать буфер между Германией и СССР — территорию, на которой советские войска могли бы встретить вермахт в случае войны.

Красная армия вступила в Польшу без объявления войны. Польские пограничники, не имевшие приказа, часто не стреляли — они думали, что русские идут как союзники. Ошибка стоила им свободы: солдаты и офицеры были разоружены и отправлены в лагерь. Те, кто сопротивлялся (например, пограничные батальоны в Сарнах и Владимире-Волынском), были уничтожены танками и авиацией.

Польское командование, узнав о вторжении СССР, издало приказ: «С Красной армией не воевать, отходить к румынской границе». Это был конец надежд. Поляки, которые еще две недели назад верили в помощь Франции и Англии, поняли: они одни. И даже не одни — зажаты между двумя гигантами.

К 6 октября последние польские части сложили оружие. Боевые действия прекратились. Польша как независимое государство перестала существовать. Её территория была разделена: западная часть (включая Данциг, Познань, Померанию, Силезию) вошла в состав Германии; центральная часть (включая Варшаву, Краков, Люблин) стала «генерал-губернаторством» под нацистским управлением; восточная часть (Вильно, Гродно, Львов, Брест) — вошла в состав СССР.

§8. Странная война на Западе: почему союзники бездействовали

3 сентября 1939 года, через два дня после вторжения, Англия и Франция объявили войну Германии. Они были обязаны это сделать по договору с Польшей. Но объявление войны не означало начала боевых действий. На западной границе Германии, у линии Зигфрида (немецкие укрепления), стояли 110 французских дивизий. Напротив них — 23 немецкие дивизии, и те были не полностью укомплектованы (Гитлер бросил все силы на Польшу). Французские генералы имели 5-кратное превосходство в силах. Если бы они наступали в сентябре 1939 года, они могли бы прорвать линию Зигфрида, выйти к Рейну и поставить Гитлера перед катастрофой.

Французы не наступали. Почему? Несколько причин. Первая: психологический шок Первой мировой. Французские генералы помнили, как их отцы шли в атаку в 1914 году и гибли тысячами. Они предпочли «позиционную войну» — сидеть за линией Мажино и ждать, пока немцы устанут. Вторая: отсутствие плана. Французский главнокомандующий генерал Гамелен отдал приказ: «Вести разведку боем, но не переходить границу». Французские солдаты выходили на нейтральную полосу, стреляли из винтовок в сторону немецких окопов, но не продвигались. Третья: страх перед немецкими минами и заграждениями. Французы не хотели нести потери «без необходимости». Четвертая: надежда, что Гитлер сам остановится, взяв Польшу, и согласится на мир.

Англичане, в свою очередь, послали во Францию экспедиционный корпус — 4 дивизии (около 80 000 человек). Они встали на границе с Бельгией, но тоже не двигались. Британское правительство было больше озабочено войной на море (против немецких подводных лодок) и защитой колоний.

Этот период (сентябрь 1939 — апрель 1940) вошел в историю как «Странная война» (фр. *Drôle de guerre*, нем. *Sitzkrieg* — «сидячая война»). Немецкие солдаты на линии Зигфрида называли её «сладкой войной» (*Süsskrieg*) — потому что было тихо, спокойно, можно было читать книги, играть в карты, даже ездить в отпуск. Французские солдаты скучали в дотах линии Мажино, смотрели кино, получали посылки из дома, но не воевали.

Польша ждала. Польское правительство в изгнании (сначала в Румынии, потом во Франции, потом в Англии) слало радиограммы: «Где союзники? Почему вы не наступаете?». Англия и Франция отвечали: «Мы готовимся. Мы начнем весной». Польские солдаты, сражавшиеся в Варшаве и на Бзуре, умирали с мыслью, что их предали. Историки спорят: могло ли наступление на западе в сентябре 1939 года спасти Польшу? Вероятно, могло — или, по крайней мере, заставить Гитлера перебросить часть войск с востока на запад, что дало бы полякам передышку. Но Гамелен и Чемберлен не рискнули. Их трусость или осторожность (называйте как хотите) стоила Польше независимости и миллиону жизней.

§9. Итоги кампании: потери, уроки, последствия

Польская кампания закончилась через 35 дней — с 1 сентября по 6 октября 1939 года. Результаты были ужасающими.

Потери Польши: 70 000 убитых военных, 130 000 раненых, 700 000 пленных (включая 200 000, взятых Красной армией). Гражданские потери — 30 000–50 000 убитых (в основном от бомбежек и расстрелов). Пропавшие без вести — сотни тысяч. Польский флот (несколько эсминцев и подводных лодок) ушел в Англию и продолжил воевать.

Потери Германии: 16 000 убитых, 32 000 раненых, 5000 пропавших без вести (в основном в сражении на Бзуре). 300 танков уничтожено или повреждено (но большинство были восстановлены), 250 самолетов сбито. Для вермахта это были небольшие потери — меньше, чем в одной крупной битве на Восточном фронте в 1943 году.

Потери СССР: 4500 убитых (по советским данным; польские историки насчитывают до 7000), 10 000 раненых. 200 танков потеряно (в основном из-за технических неисправностей, а не боевых действий).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.